

Комбат Найтов

Мушкетер поневоле

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Комбат Найтов

Мушкетер поневоле

Серия «Военная фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69746638

ISBN 978-5-6049969-4-2

Аннотация

Вот такая «ситуация»: молодой человек, русский, житель СПб, заканчивает Воен-Мех по специальности газогидродинамика, но не находит работы. Единственное предложение: Днепропетровский завод. Делает двигатели для Северной Кореи, а 24-го февраля 2022 года просыпается и слышит о вводе войск России на Украину. Сначала ждет подхода наших войск, затем получает 4 повестки на мобилизацию и уезжает из переименованного Днепропетровска в село, где собирается пересидеть этот период или свалить во Францию, которую он сам выбрал для эмиграции. Соседи посоветовали обратиться к ведьме, после неудачных попыток выехать из страны. Бабка соглашается, но молодой человек принес с собой слишком много горячительного, и бабушка «промахнулась». «Шо я шнайпер шо ли?» Он попадает в 1611 год в Гаскони, одну из провинций Франции.

Содержание

Глава 1. Утро 24-го февраля 2022 года и последующие события	4
Глава 2. «С волками жить – по волчьи выть»	15
Глава 3. Неуместные вопросы и отсутствие достойного общества	27
Глава 4. Приступаю к созданию империи, но «баба Яга» – против!	42
Глава 5. Создание акционерного общества в средние века	58
Глава 6. Восхождение на Олимп	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Комбат Найтов

Мушкетер поневоле

Глава 1. Утро 24-го февраля 2022 года и последующие события

Будильник! О черт! Спать хочу, но надо вставать. Нашарил его рукой, и дважды нажал на кнопку. Глаза еле открылись. Засиделся глубоко за полночь, внося изменения в присланный чертеж. Вечно как на придумывают, так хоть стой, хоть падай. Но, куда деваться! Завод стоит, заказов нет, а мои бывшие «заказчики» без работы не оставляют. Я с ними работаю уже 10 лет, вначале семь лет непосредственно у «них», затем удалось договориться и уехать из-за «санкций», которыми США их обложили, как волков в лесу, сплошные красные флажки. И вычислили мои счета. Удалось достаточно незаметно выехать в Россию, и через нее вернуться на завод. Здесь все налажено и настроено, немного теряешь на различных платежах, через несколько офшоров, но стабильно и более-менее безопасно. Тут, правда, обстановка несколько «напряженная», «нацики» распоясались, пока меня не было, «войнушку» начали, гражданскую. «Чемоданами» перебрасываются с друг другом уже 8 лет. Включил «автопоилку»

с кофе, сходил умылся и сделал себе бутерброды. Звонок. Игорь.

– Привет, чё еще? Ты знаешь, у меня такой облом, тащить-ся в отдел совершенно в лом.

– Ты телевизор смотрел?

– Ты же знаешь, что у меня его нет.

– В тырнет залезь: Путин ввел войска.

– Куда?

– Куда-куда, к нам, разбабахал все аэродромы, уничтоже-но ПВО.

– Когда?

– Этой ночью. Все в хлам!

– А нам-то чего, в Роскосмос войдем.

– Так ведь дожить надо! Могилизацию объявили.

– Слушай, не смейся, я еще не проснулся. Меня-то это никаким боком, я – не военнообязанный, я же – москаль, как и ты. По месту прописки не живу, слава богу, с этой «рыбкой» у меня всё, мы в разводе. Слушай, давай я сегодня в отдел не пойду. Мне «Ким» прислал до фига работы, все это через пару недель закончится, а я больняк возьму на это время, скажи, что у меня ковид. Светка все сделает. Все равно денег не платят, голый оклад, пусть копится. Пошли все нафиг с этим Зелей. Уж лучше так, чем сосать лапу.

В общем, настроение мне с утра испортили. Не тем, что Путин ввел войска, говорят, что его просили об этом 8 лет назад, но тогда он откосил от этого дела. Я был в «творческой

командировке» от завода в одной из стран Юго-Восточной Азии, неожиданно для всех ставшей ядерной и космической державой. Родился я в Питере, заканчивал 239-ю школу, затем был в Воен-Мех, с красным дипломом. Когда его получил, то оказалось, инженеры газогидромеханики нигде и никому не нужны. Все вакансии заняты. Перед самым носом, то место, на которое я планировал устроиться в «Антее», оказалось занятым чьим-то родственником. Немного пошабашил, около двух лет, затем переехал в Подмоскovie, где три года отсидел в КБ, даже был немного повышен, а потом состоялось командировка на «Морской старт». Наши там сворачивали работу, где и познакомился с Игорем. Он трудился на «Южмаше», и сделал мне предложение, от которого было трудно отказаться. У них организовывалась «шарашка», причем, под «крышей». Вот такой «крышей»! Судя по всему, там так «заряжали», что все на все закрывали глаза. Я перевелся сюда, мне тут же подложили ту самую «рыбку», дескать, без этого никак. Надутых губ у нее тогда не было. Оформили фиктивный брак, через некоторое время я улетел в Пекин. А якобы супруга пошла делать себя «рыбой из мультфильма», на мои деньги. Отчисления ей составляли суший мизер, по сравнению с тем, что платили там. А это был «взнос» за то, что меня туда взяли. В Хохляндии все примерно так и делается. Без откатов там не проходит. Но, подчеркиваю, в финансовом отношении все было просто отлично! Пока «общечеловеки» не поняли, что в мире родилась

новая ядерная держава, «гравицапы» которой свободно достигают территории США с термоядерным зарядом. Тогда начались сложности, и пришлось уехать, почти полным составом, на «Южмаш». Третий год подряд снимаю «домик» в конце Криворожской улицы, пять-семь минут от проходной. График работы – полусвободный. Увидев губки якобы супруги, тут же навестил Красногвардейский ЗАГС вместе с ней, но прописку я сохранил. Первым желанием было вылететь домой, пока не поздно, но оказалось, что перевести деньги отсюда туда невозможно, а становиться опять нищим совершенно не хотелось. Я сбегал к ближайшему банкомату, который мне ответил, что он уже пуст, несмотря на ранний час. Отстояв в очереди в «Ощадбанке», снял примерно месячную норму на питание и проживание. Зашел к подружке, через нее оформил «больняк», чтобы не видеть никого в КБ. Люди там разные, представляю, что там творится. Плюс, к разработке «Циклона-4М» нас даже близко не подпустили, всё уже поделено, хотя там сидят... как бы так помягче сказать... далеко «неянгели». Но недавно назначенный главным Александр Кушнарев ликвидировал нашу «святую вольницу», приказав ходить в КБ. Пару лет мы туда ходили только выяснив, что в кассе есть «зряплата». Сейчас это делается автоматически, и зависит от времени регистрации пропуска на проходной. Работать можно и там, но есть некоторые проблемы с выносом-вывозом чертежей. Выносим их на флешках. Особой разницы нет.

Через 10 дней пропал Игорь, отзвонилась его супруга, сказала, что его задержала терроборона. Нашли российский паспорт. Час от часу не легче! Наши уже в Херсоне. Мы с ней пересеклись, она – местная. Я ей передал пару «левых» «симок», да и сам сменил обе на телефоне. Воспользовавшись легкой паникой в начале славных дел, сумел раздобыть пару автоматов «АК-74» и «АКСУ». И по пять магазинов к ним. Игорь «нашелся» в железнодорожной больнице. Крепенько избитым. После выписки они переехали ко мне, втроем, с ребенком. «Территориалы» их взяли на прицел, провели несколько обысков. Жить там стало совсем небезопасно. Через еще 10 суток мы оба получили извещения, что наши пропуска в КБ СБУ признала «недействительными». Нам было предложено уволиться.

– Я туда не пойду. – сказал Игорь.

– Мне тоже нет никакого резона там появляться. – сказал я.

– Ага, я вас обоих, подлецов, насквозь вижу, чуть что – отдуваться мне! – сказала Наталья, взяла наши заявления, и пешочком, без машины, пошла в КБ. Оба мы находились на больничном. Диагнозы разные, я, так еще и заразный. Она вернулась через три часа, поржала над нашими страхами, и передала нам письма Кушнарера. Когда мы их открыли, желание хохотать у нее прошло. В обоих конвертах, кроме официального письма главного, находились повестки из СБУ.

– Ты там не расписывалась за получение? – спросил ее Игорь.

– Нет, как ее, Жанна тишком передала.

– Слушай, Андрюха, а кто из наших знает, что ты живешь здесь?

– Достаточно многие.

– Это – плохо. Наташ, нам надо будет уехать к твоей бабушке. У Андрюхи украинский паспорт есть, а я тогда поленился его сделать.

– А российский? – спросила Наташа.

– Я его не сдавал, и не хотел, чтобы в нем была отметка о браке, у меня же он был фиктивным.

– Да, в этом случае мы тебя подставим. Вот что, завтра днем мы постараемся уехать. Вот наш адрес. Это не очень далеко, это – моя двоюродная бабушка. Там Игорешку искать никто не будет. Спишемся.

Они действительно уехали днем и к вечеру я получил СМС, что они добрались до места без приключений. А я остался в городе. В финансах я не нуждался. Списался с «Кимом», тот нормально прореагировал на то, что я больше «на фирме» не работаю. Я получил еще одно задание, требовалось достаточно много чего считать, на следующий день капнули деньги, так что, жизнь продолжается! Дергаться было бессмысленно, выезд лиц мужского пола был запрещен. Наступление наших войск постепенно остановилось, кое-где

они даже отошли. Ближайшие части находятся 115 километрах отсюда, на другом берегу Днепра. Так как «Ким» звал к себе, то я решил найти способ выбраться за границу и куда-нибудь перебраться. В Питер или Париж. Даже нашел себе преподавателя по французскому, пожилую даму, живущую не так далеко, которой были очень нужны деньги. Через три месяца я уже вполне освоил этот курс молодого бойца. Но, за это время я «накопил» четыре повестки на мобилизацию, первую из которых мне вручили на «Юконе», автозаправке в нескольких сотнях метров от дома, мне вручили первую повестку, которую я благополучно сжег через 15 минут. Я владею обоими руками примерно одинаково. Расписался левой, стал реже выходить из дома, в общем попал в осаду. А тут еще с продовольствием некоторый напруг начался, сократили выдачу денег на руки, чтобы почаще выглядывали и попадались на глаза «оборонщикам». Когда заговорили о «контрнаступлении» на юге, списался с Натальей. Выяснилось, что у бабушки задержаться не удалось, они перебрались на самый запад Киевской области в Цезарьевский заказник. Но есть некоторые проблемы: требуются запчасти к машине и кэш. Кэш удалось раздобыть, большой авторынок был рядышком, бросил все в машину, и по правому берегу, не заезжая в крупные города, через восемь часов был уже у них. Рядом с селом Нежиловицы находился декорационный полигон Киевской киностудии. Там, естественно, пусто, тем более, что это – частная собственность человека, ко-

торый сейчас живет где-то в Европе. Ну, само-собой, пришлось проставляться сторожам. Выпивка завершилась потоком пьяного откровения, где я, естественно, не мог сказать, что хочу домой, в Питер. Сказал, что много бы дал, чтобы оказаться в Париже, и забыть все это, что произошло здесь. Да блин горелый, все везде перекрыто!

– Да есть тут один путь, вон там дальше – ведьма живет, только не ко всякому она выходит. Ты, главное, ее не зови, она сама придет, да будь готов к тому, что назад дороги не будет. В два часа появляется. Приглянешься ей, желание сполнит, нет – только седины наберешься.

Я, естественно, только рассмеялся.

– Где, в каком месте?

– Да не сегодня, прием у нее по понедельникам, говорят, тринадцатого числа.

Я вытащил календарь, и установил, что ждать всего два дня. Была суббота, 11 июня. Понятно было, что старик меня разыгрывает, на слабо берет. Но, от него зависело: сколько времени я тут проведу. И благополучно или нет. Следующий день мы с Игорем потратили на то, чтобы восстановить подвеску и тормоза на их автомобиле. А вечером старик мне напомнил, что мы забились с ним на две бутылки.

– Приемный день у нее вот-вот настанет, в полночь. Но так как ты можешь не вернуться, тоставляй сейчас. А я Гоше, прямо сейчас деньги отдам за два пузыря. – залез в карман, и отсчитал гривны. Я при них, и под пару стопариков, со-

брал в рюкзак все, что было необходимо. Дурить, так дурить. Ну, и чуть загодя до полуночи отправился на заброшенную часть полигона в церковь с перекошенным деревянным крестом. Минут десять скучал, затем, чтобы напрасно времени не терять, разложил на найденной небольшой доске закуску, поставил бутылочку французского коньяка, пару стопок. Проверил под мышкой «Стечкин», с этим стариком я знаком всего ничего, оружия я не показывал. В рюкзаке сзади лежит «АКСУ» с пятью полными магазинами. Ждем, голубчиков! Я ведь не говорил старому, что в Корее я прошел очень неплохую школу таэквон-до. Стреляю вполне прилично, и с детства занимался фехтованием на саблях, плавал, бегал, занимался пятиборьем. Но ровно в полночь через открытую дверь вошла старушка-божий одуванчик. Вошла и крестом себя осенила. Какая же она ведьма? Потом воздух понюхала, а тут коньяком пахнет.

- Кто пожаловал-то? С миром, али как?
- Присаживайтесь, милая, отведайте коньячку!
- В храме христовом не сидят! Али ты католик?
- Нет, не католик.
- А чего ховаешься?
- Война идет, сам-то русский, а несколько лет назад мне украинский паспорт выдали, теперь в армию хотят забрать, чтоб я в своих стрелял, а они в меня. Не хочу.
- А чего ты хочешь?
- Вот, выпей для начала, божий человек, закуси, а там,

глядишь, и доверю тебе маленькую тайну своих желаний.

Выпить бабулька уважала, для этого, видимо, и пришла. И закуска ей понравилась, повторили.

– Хороший коньяк?

– Нравится он мне, и ты мне нравишься. Другой бы голосил во весь рот, а ты спокойно говоришь. Возьми меня за руку.

Я протянул руку, а ее рука прошла через мои пальцы. Я усмехнулся слегка, но остался сидеть на месте. Тут же киношники долго забавлялись, видать их рук дело.

– Забавно! – сказал я, – Ну, в этом случае, я хочу пить этот коньяк не здесь, а во Франции. Все, что нужно у меня с собой. Еще стопочку?

– Не откажусь. – Фокусы у киношников работали на все сто. Рюмка-то настоящая, и коньяк в ней сам наливал. Коньяк исчез.

– Ну, не велика просьба, вот только пути обратно в это место и в это время уже не будет. Это ты понимаешь?

– Ох, милая, если бы ты знала, как они меня достали этим временем и этим местом, я об Украине говорю.

– Тогда встань лицом к двери, и смотри! – сама она подошла к ней и провела по косяку рукой.

– Вещички свои не забыл?

– Все с собой, кроме машины.

– Дверь приведет тебя туда, куда ты хочешь. – отражения едва светящихся красных дверей вытянулись дугой. Я по-

нял, что за дверью меня можно будет атаковать, но все равно шагнул за нее. Дверь слева не шевелится, справа никого не было, вдруг «гармошка» светящихся дверей двинулась навстречу, и мне поджало желудок к позвоночнику. Звуков не было, прошло довольно много времени, минут пятнадцать или больше, «двери» стали растягиваться обратно, через пару секунд я оказался на лесной дороге. Причем странности начались сразу!

Глава 2. «С волками жить – по волчьи выть»

Во-первых, я наступил в конское дерьмо. Многие читатели его и в глаза никогда не видели. Здесь же дорога была странной: у нас на дороге две или четыре колеи от колес. Здесь ярко выраженных три колеи и следы копыт. Во Франции я бывал, неоднократно. Лошадей видел на каком-то параде в Париже, но французы ездят на авто! «Пежо», «Рено», «Ситроен». Автомобили у них неплохие. И дороги, хайвэй через всю страну, с платными участками. Ни одного отпечатка автомобильных шин не было. По проселкам я там тоже ездил, возвращался домой в арендованном «Пежо-609», пропустил поворот на Женеву, пришлось 70 км проехать, прежде, чем появился съезд с платного участка. Вполне приличная дорога назад, мимо великолепного старинного замка, буквально прилипшего к скале. Еще помню Анси, с его старинными улочками и тяжелыми воротами в каждом доме.

Вот в этом кафе на левом берегу речки Тиу (дом-корабль повернут носом на нас, озеро и река зимой замерзают, Тиу – это французская «Нева», естественный водосброс озера д'Анси) я впервые понял, что приезжать в эту страну требу-

ется со знанием французского языка, по-другому – никак, вплоть до отказа в обслуживании. А еще, что яд, по-английски, это – рыба, по-французски. «Пойсон». Зажег фонарик, приключения начались в 02.00, здесь тоже еще ночь, я рассмотрел во что вляпался, увидел эту «дорогу», покрытием которой была трава и пыль, понял, что тут что-то не так, и свернул в лес. Благо, что конские «какашки» не сильно пахнут и легко отваливаются от подошвы. Немного отойдя от дороги, я последними словами обругал «ведьму», «ведь не этого ада я просил!». Скинул рюкзак, достал оттуда «АКС», подсумок с тремя магазинами, присоединил один из них к автомату, а подсумок повесил на ремень. Туда же, на ремень, я повесил «копанный» НР-40, номерной и в отличном состоянии. Дослал патрон в патронник, и поставил на предохранитель. Передернул затвор «АПС», щелкнул предохранителем, и отправил его обратно в кобуру подмышку. Ни коврика, ничего у меня с собой не было, собирался я посидеть в кафе на берегу Сены, и вообще думал, что это розыгрыш, а сижу на пенке в каком-то лесу, сам не знаю где. Хорошо еще недопитую бутылку «Реми Мартин» с собой забрал, но без рюмашек. Глотнув из горлышка ароматную жидкость, я сделал первую ошибку: сказывалось отсутствие боевого опыта. Я решил, что утро вечера мудренее, поэтому снова включил фонарь и, найдя небольшую полянку среди кустов, забрался туда, положил под голову рюкзак, под правую руку – автомат, закрыл глаза, решив отдохнуть, а с утра двинуться

на разведку. Поспать толком не удалось, в лесу было много разного зверья, в том числе, волков, лис и кабанов, каких-то оленей, больших и маленьких. Спал в полглаза, уши – торчком, просыпался от любого шороха. Больше устал, чем отдохнул. Как только чуть посветлело, сел, пересчитал запасы еды. Хлеба не было, четыре вакуумных упаковки с нарезкой различных колбас, в качестве закуски. Полная бутылка коньяка, 0.7 литра, и граммов 250–300, чуть меньше половины, во второй. Полторы пачки сигарет, здесь я совсем промахнулся, три зажигалки, все газовые, правда, запасной баллон есть. Лаптоп с зарядкой, 11 тысяч долларов и полторы тысячи Евро. Пять карточек на все случаи жизни. Несколько запасных маек, трусов и носков. 150 патронов к автомату, две полных обоймы и пять пачек 9x18 к «Стечкину». Даже если меня арестуют за хранение, то у меня отговорка: прибыл с территории Украины, где идут боевые действия. И вообще, «Консула мне! Консула!». Да и тюрьма во Франции выглядит несколько симпатичнее, чем окопчики под Ингульцом с дождиком из «Градов» и шестидюймовок. Шенгенская виза есть в обоих паспортах. Переживу. Долго решал куда деть автомат, потом все-таки перебросил его через левое плечо, перецепив карабин на заднюю антабку АКС-74У. Откинул приклад, пару раз попробовав приложиться. Ничего так, не цепляется. Если это странности только этой дороги, то отправлю его в рюкзак, а пока не определился – пойду так, с готовностью, по меньшей мере, дать предупредительный. Я,

конечно, забавлялся вместе со всеми в страйк-бол, но вояка из меня тот еще. Служил я всего полгода, в самых спокойных войсках РВСН. Ладно, потопали. Положив кусочек твердокопченной колбасы за щеку, двинулся вперед. Это я завтракаю так. Вышел на дорогу, все еще раз внимательно осмотрел, и сделал вторую ошибку: двинулся прямо по дороге, нет, чтобы свернуть на обочину и продвигаться параллельно ей. Шел я долго, самолеты над этой местностью не летали. Машины не ездили, люди мне не встретились. Заскучал, расслабился, единственной здоровой мыслью было, что повернул не в ту сторону. Хотя, шел на запад, теперь иду на север. Солнце у меня справа.

На небольшом повороте кто-то солому просыпал. Я особо на дорогу и не глядел. Краем глаза увидел, что солома волной зашевелилась, и из-под нее выскочила веревка, я попытался отпрыгнуть в сторону, но правую, нижнюю в прыжке, ногу она успела обхватить. Меня дернуло и перевернуло вверх ногами, но рукоять автомата я не выпустил, левая рука пошла под коробку, щелчок предохранителя. Ищу глазами противника. Бля... У меня чуть челюсть не отвалилась, когда из кустов неподалеку вылезли четыре фигуры в широкополых шляпах, кожаных штанах, с широким матерчатым поясом, с немаленькими ножичками с гардами в руках, и у одного было кремневое ружьё, за поясом пистолет. Северный пушной зверек, а меня раскачивает, и я вишу вниз головой.

Огонь! Очень неудобно, но тремя очередями по три патрона я их уложил. Дал левую ногу, чтобы завращало, и осмотрелся. Больше никого. Зубами зажал ремень автомата, чтобы не упал, сбросил темляк с ножа, и руками ухватился за брюки и ногу, сложился пополам, выплюнул ремень изо рта, и дотянулся правой рукой до натянутой веревки. Левой вытащил нож и рассек им веревку снизу. Нож я уронил, но удалось не сорваться вниз в момент, когда ноги пошли туда. Спрыгнул, успев подхватить автомат. Нож, гад, воткнулся лезвием вверх, но чуть в стороне от меня. Беру «группу пехоты» на прицел, и на полусогнутых быстро с ними сближаюсь. Трое холодненьких, а один еще живой, но не жилец, бедро пробито, артерия повреждена, а жгутов у меня нет. Хватаю его за здоровую и тащу в кусты, затем туда же приволок и остальных. Пока я волохал первого, он сознание потерял еще на дороге. Собрал упавшее оружие. Спросил на четырех языках пленного, откуда он. Ответил на французском, со странным акцентом, что сам он из Байоны, лес называется «дес Англе», «Английский», принадлежит королю Франции, дорога ведет в город Бьяриц, и сами они не разбойники, а «рекрутеры» короля. Это они таким образом пополняют армию. Из огня, да в полымя! Там от одних сбежал, здесь вляпался, ведь от судьбы не убежишь! Местность называлась Гасконь, я сразу вспомнил д'Артаньяна и его друзей, застенки Бастилии и кардинала Ришелье с "пистолями". Шел 1611 год от рождества Христова. Францией «правит» 10-х летний ко-

роль Людовик XIII, у меня так вторая бутылка коньяка называется. Идет «очередная война», в ходе которой Франция станет первой «Великой державой». Одно хорошо! Россия в этой войне была союзницей Франции. Но на этом не стоит заострять чье-то внимание. А иду я точно не туда, куда следует. Похоже, что мне в обратную сторону, и из леса сейчас выходить не стоит. Пленный окончательно потерял сознание и «уходит за радугу». Я нашел в кустах четыре «торбаза», с хлебом, вином, кусками жареной свинины или кабанчика. Двадцать семь монет разного достоинства, кажется они назывались «пистоли», но точно не уверен. Но предварительно нашел место крепления веревки, и убрал ее. Подобрал и сунул в рюкзак все гильзы. Съел кусок мяса с хлебом и запил его вином из фляги. Затем начал раздевать ребятишек. Требовалось переодеться, в моих джинсах и маечках здесь не походишь. Местность – гористая, отроги Пиренеев. Нашел подходящую яму, снял дерн саблей, сложил туда тела, и хорошенько их засыпал. Затем столкнул туда довольно большой булыжник. Собрал все, и двинулся вниз по ручью. От него я теперь не мог отойти: особенности ношения здешней одежды меня несколько шокировали: штаны, которые постирать практически невозможно, кожаные, они носили почти на голое тело, без трусов. Пришлось долго и упорно оттирать все песком. Спустился еще ниже, но ручей впадал в достаточно бурную реку, чуть поднявшись вверх обнаружил тропу. Сюда, видимо, рыбаки ходят, там омуток приличный. Эх,

спиннинг дома оставил! Тропа вывела снова к той дороге, где меня высадила «ведьма», и там, где я повернул направо вниз. В этот раз я залег в кустах и решил просто понаблюдать: что и как. Ближе к вечеру я увидел открытую легкую коляску, со сложенным верхом, в которой сидела молодая девица в черном платье. В качестве конюха был какой-то мальчишка. До этого вверх и вниз проехало несколько телег с различным грузом. Черный цвет здесь, вообще-то, не популярен, у женщин, по крайней мере. Надо будет поискать, где живет эта вдовушка!

Ехали они не спеша, мне же приходилось иногда переходить на бег, но через два поворота, коляска затормозила и свернула с главной дороги налево. Перебежав дорогу, я скоро уткнулся в изгородь. Видно было поле и довольно большой дом. За ним – еще одно поле. Я прошелся вдоль забора, считая шаги, и высматривая место, откуда за имением можно нормально понаблюдать. Вечером перетащил к найденному месту теперь уже свои пожитки. Визуальное наблюдение показало: в имении находится всего семь человек: сама вдова, поп, семейная пара лет 45–50, но в барском доме они не живут, молоденькая девица 15–16 лет, паренек – сын семейной пары и подросток, который пока ходит, цепляясь за юбку матери. Поп приходит сюда только поесть, а живет в капелле за оградой, у него есть ключ от нижней калитки. То есть, вдова детей не имеет. Все хорошо, но есть нюансы: во-первых,

требуется познакомиться, следовательно, меня должен кто-то представить. Второй момент: общество предельно сословное, и встречают здесь по одежке, а у меня вид пирата или разбойника с большой дороги, да еще и бородой зарос. Бритва была, а вот зеркальце я, скорее всего, потерял. Пришлось налегке возвращаться туда, где меня чуть не поймали «рекрутеры». Я его нашел, видимо выпало, когда вверх ногами здесь болтался. Уже собрался уходить, как снизу от Байона, появился всадник, а за ним – оруженосец на муле. Ехали они медленно, на подъем, и разговаривали на незнакомом языке. Ветер дул снизу, а так им до меня где-то 600–800 метров. Пришлось воспользоваться той самой веревкой в качестве «тарзанки». Они подъехали ближе, черный и красных атлас, белая рубаша, кожаный ремень, шпага, два пистолета в кобурах у седла, справа торчала рукоять кинжала. А у оруженосца прикрепленные к седлу алебарда и громадный мушкет. Всадника я выбил из седла, причем, нанеся ему удар в шею внешним ребром босой стопы, четко под челюстью, а оруженосца, застрелил из пистолета всадника. Добивать всадника не пришлось, шея была сломана либо мной, либо при падении на землю. Быстро переодевшись, и переодев дворянина, я оставил их обоих лежать на дороге, вложив ему в руку пистолет одного из рекрутеров. Так у меня появился конь, одежда, золотые «пиастры» и шпага, и какие-то письма на испанском. А Гугла нет! Три часа в лесу я пытался перевести эту тарабарщину. Очень сказывалось то, что я же учил раз-

говорный французский по экспресс-программе, а здесь испанский, а они именно по грамматике и отличаются, слова похожи. Разобрал, что одно письмо – подорожная грамота, что кабальеро Андре Антонио Ханна Хомес Родригес Хонсалес де Сан-Хосе, направляется в город Сан-Хосе, для вступления в наследство в связи со смертью его последнего родственника. Этот самый Сан-Хосе находится на Балеарских островах. Ну, немного не доехал, конечно, и такая подорожная мне не слишком нужна. Но это повод для того, чтобы заехать познакомиться с дамой. И я чуть не лопухнулся! В самый последний момент я вспомнил, что в Испании протестантов практически нет, а попик – капеллан, но я находился уже совсем рядом с тем местом, где оставил трупы. Успел я вовремя. Здесь еще никто не появлялся, кроме хищников. Мул отбивался от наседавших волков, а сам застрял из-за алебарды между деревьями. Разогнав хищников, я закрепил ремнями тело оруженосца, я хотел назвать его Санчо, но увидел у него на шее католический крест и иконку-оберег, на обратной стороне там было начертано Хосе Мендес и что-то непонятное. Крестик я снял, потерялся в бою. Взяв под уздцы мула, тронулись обратно. Но проехали прямо, а не повернули направо, так к часовне ведет дорога, проезжать с отворотом на главной, через имение, я посчитал излишним.

Через несколько километров мы пересекли поле, и подъехали к капелле, из которой выходили все, проживавшие в

имении.

– Капеллан! У меня убили оруженосца. Во имя господи нашего, упокойте его душу! – сказал я, спрыгивая с коня, и представляясь даме, – Кабальеро Андре Антонио Ханна Хомес Родригес Хонсалес де Сан-Хосе, прошу меня простить, мадам, что побеспокоил Ваш покой и Вашего капеллана. Нападавших было двое, в меня стрелял один, которого я убил, второй сумел удрать через лес, там крутые спуски, догнать его я не сумел. В любом случае, можете рассчитывать на мою шпагу. Он где-то рядом.

– Где это произошло? – спросил капеллан.

– В четверти лье от места схождения трех дорог, одна из которых привела меня сюда, святой отец.

– Там на них засаду оставляли, засада исчезла. Как звали Вашего оруженосца?

– Хосе Мендес, был католиком, но четыре года назад он вступил в армию его Величества Людовика, и стал кальвинистом.

– Там же могут служить и католики?

– Могут, но после ночи святого Варфоломея у них всех руки в крови выше локтей. Аминь! – сам я в это время отвязывал ремни, которыми привязал Хосе к мулу. Пожилой мужчина и кучер помогли уложить тело для таинства. Сам я прихрамывал, чтобы не показать полного неумения делать всякие «выкрутасы», полагающиеся в таких случаях.

– Что у Вас с ногой?

– Не слишком удачно прыгнул с лошади, из-за этого не сумел попасть по второму подлецу.

Повторяя за всеми то, что они делают, дождался окончания отпевания, Жак принес носилки и они с двумя сыновьями унесли куда-то тело, получив за это пару монет. Капеллан получил за это золотой, и был на седьмом небе от счастья. В связи с наступившей темнотой, мне милостиво предложили отужинать и заночевать в доме.

Глава 3. Неуместные вопросы и отсутствие достойного общества

Но не все так просто! В дом меня пригласили, но там собрались все, кроме старшей женщины, и все вооружены. Они думают, что справятся. Начал капеллан, золотой он уже получил, теперь еще хочет поживиться.

— Господин Гонсалес! Не одному мне, нам всем кажется, что вы не нашей веры, совсем не испанец, и здесь со злым умыслом. Покажите свою подорожную, кабальеро.

— Пожалуйста. — я передал в руки «контроллера» свой «билетик». Тот внимательно прочел, передал его вдове.

— Мсье, пройдите, пожалуйста, к столу и распишитесь. Там есть пергамент и перо. — сказала она. Это я сделал за просто. Как только «расшифровал» подорожную, сразу попробовал изобразить на песке «свою» подпись. С этим вопросом у меня довольно свободно. Часто приходилось подписываться за всех, а так как подписывался стоя, то некоторые помарки были вполне уместны.

— Прошу, достопочтимая хозяйка. — грамотными здесь были только попик и хозяйка, остальные выполняли роль вооруженной стражи.

— Да, мсье Гонсалес, это ваша подпись, но почему вы совершенно не похожи на испанца? У вас светлые волосы и го-

лубые глаза.

— Потому, что я — москвит, Нанна — это имя моей матери, княжны Анны Белозерской. Которая вышла замуж в Москве за господина Гонсалеса, прибывшего с испанским посольством в Москву и... Из-за некоторых обстоятельств, главное из которых стоит перед вами, принявшего православную веру Антонио обручили с моей матерью. Жил я в нашем имении под Москвой, вырос, и начал служить в посольском приказе. Затем прибыл в Париж в свите князя Головина. По его поручению вступил в корпус герцога Бернгарда Саксен-Веймарского, для изучения новых строев. Два месяца назад получил вот это известие, с просьбой прибыть в Сан-Хосе для вступления в наследные права своего рода по отцу. Более наследников по мужской линии там нет. В Испанию я еду в первый раз.

Этот самый «испанец» вовсе не был похож на меня, я-то его видел со сломанной шеей, но его подорожная была подписана герцогом Бернгардом. Он, правда, еще не служит французской короне, но скоро все будут служить ей.

— Московия? А где это? — спросила вдова.

— Это на востоке, в шести месяцах езды отсюда. За Полонией, куда ездил стать королем Генрих III. Королем он там стал, но отказался жениться на старушке, которую ему сватали. И ему пришлось бежать

— Помню-помню, да-да, мне мой покойный муж об этом рассказывал. Так за кого сейчас воюет Московия?

– Она воюет с Полонией. Мы – союзники с Францией, поэтому нас сюда и прислали. Но, у нас такая же проблема, как и у французов: пресекся род Рюрика, царь Федор умер, не оставив потомства. Род Рюрика велик, мать моя из этого рода, но власть захватил патриарх Филарет, не нашего рода-племени, родственник первой жены Ивана IV Анастасии Романовны. Был убит царевич Дмитрий, а затем внезапно «умер» царь Фёдор, и тринадцать лет в России полное безвластие. Избрали было одного из суздальских Рюриковичей, царя Василия, который поднял восстание против Лжедмитрия, поляка, захватившего Москву и усевшегося на трон. Но он был бездетен. Прочили в цари его племянника, Михаила Скопина-Шуйского, но он был отравлен. Русско-шведские войска потерпели поражение под селом Клушино. А бояре тайно впустили в Москву польский отряд, опасаясь, что ее захватят сторонники Лжедмитрия II. Мы с матерью были вынуждены бежать на Белое озеро, в свою вотчину. В Москве боярская дума выбрала царем польского королевича Владислава Вазу. В Варшаве сейчас находится корона российская – шапка Мономаха, скипетр и «держава». Но я не из тех людей, кто его поддерживает. Нас сюда направил царь Василий, он был Рюриковичем, хоть и из захудалой ветви. Так что, я пока вернуться домой не могу. Ищу место и средства для существования, и жду, когда мать пришлет весточку в Париж, что можно возвращаться. Вот появилась надежда, что удастся стать землевладельцем в Испании. Но я хорошо знаю, что

Испания и Франция не слишком дружат. И похоже, что через границу меня не пропустят.

– Такое может быть! И что будете делать?

– Если здесь не пройду, вернусь в Байонет, наймусь на корабль, который идет в сторону Карибских островов, и оттуда попаду в Сан-Хосе. Мне кажется, что я забыл свою трубку в переметной сумке.

Меня выпустили из дома, но со мной пошел Жан с сыновьями. Набив трубку, я поджег ее зажигалкой, чем очень удивил Жана, но он постеснялся попросить ее посмотреть. Из сумки я достал хлеб и остававшееся еще мясо, бутылку красного вина, вышел из конюшни и присел рядом коновязью. Ужинать в этом доме мне уже не хотелось. Один из мальчишек вернулся в дом. Двое остались стоять возле меня. Я предложил мальцу хлеб и мясо, а Жану – вина. Откачиваться они и не подумали. Вышел из дома поп, подошел к нам.

– Мадам д’Эрвиль просит Вас к столу.

– Передайте ей большое спасибо, но я уже сыт, и нашел себе постель.

– Где-же?

– Возле своего коня. Я не люблю, когда меня так встречают, я – князь и кабальеро. Я в походе, поэтому обойдусь соломой. Вон в том старом стожке. – по-русски я добавил и направление, куда следует двигаться капеллану. Тот не понял последней фразы, повернулся и пошел ужинать. Может быть,

конечно и не стоило так поступать, но существовала угроза того, что запутаюсь в «показаниях». Ушли и мои «охранники». Я перелил остатки коньяка в найденную в переметке небольшую бутылку местного производства. Здесь не делают коньяк, только арманьяк, да и бутылок такой формы у них нет. Светить ее не стоит. В переметной сумке испанца было много интересных и нужных вещей, нашлись и серебряные рюмки для коньяка. За последние десять суток я впервые сидел, облокотившись на теплую стенку и подложив под зад свернутый плед. Поэтому налил себе немного коньяку и закурил. Сигареты кончились давно, а курить то, что нашел у «рекрутеров» было невозможно. Испанец покупал более качественный табак.

Из дома вышла вдова, она, кстати, еще так и не представилась, и та самая девушка, которую я считал дочерью Жана. Направились они ко мне, пришлось встать, и поцеловать руку вдове.

– Мадам!

– Маргарита д'Эрвиль, вдова королевского прокурора Гаскони Этьена д'Эрвиля. Он пал в бою у Сан-Себастьяна пять лет назад. Aumônier¹ Эмиль сказал о вашей обиде за неуместные вопросы о Вашем происхождении. Прошу меня извинить, принц, поймите меня правильно, война с Испанией идет уже давно, сколько себя помню, мы воевали с испан-

---

¹ Капеллан

цами. Моего мужа убили тоже они. Отца и мать бедной Эмилиии убили испанские солдаты. Кто был тот человек, который стрелял в вас?

– Увы, испанец.

– И Вы хотите ехать туда?

– У меня есть приглашение принять наследство, мадам, пока у власти в моей стране полушвед-полуполяк Владислав, а фактически правит страной патриарх Филарет, я не могу вернуться на родину. Там меня ждет минимум ссылка, а скорее всего, просто отравят, как претендента на престол. Отец Филарета – практически безродный, но у него была очень красивая дочь, которую молодой царь Иван IV выбрал себе в качестве жены. Она давно умерла, но царь Фёдор был ее сыном. Фактически нарушаются все законы божьи, ведь передача трона происходит по женской линии. Филарет жаждет посадить на трон своего сына Михаила. Сколько мне предстоит скитаться – я не знаю. Имения и земли моего отца помогут мне пережить это смутное время, мадам.

– Причина, конечно, уважительная, мой принц. Но испанцы вас скорее убьют, чем отдадут вам хоть одно экю. Поверьте бедной вдове, я их слишком хорошо знаю. – она нервно сунула руки в карманы платья, затем вынула оттуда небольшую трубку и кресало.

– Я вышла покурить на свежем воздухе после ужина. У нас здесь замечательные вечера. Вон еще светятся снежные вершины гор, а у нас уже темно и сильно пахнет сеном и

грибами.

Мне пришлось щелкнуть зажигалкой с катализатором и дать ей прикурить, затем прикурил сам и предложил ей коньяк. Я понял ее, ей не хотелось, чтобы я уехал. Живет вдалеке от города, вероятность здесь, то что называется, «подцепить» дворянина неудержимо катиться к минус бесконечности. Усадьбу за это время никто не посетил.

– Как у вас так быстро получается извлечь огонь? И почему пламя немного рычит? Покажите еще!

Я передал ей зажигалку, она повертела ее в руках, но не догадалась как извлечь пламя.

– Большой палец положите на выемку.

– Так?

– Так, и нажмите на нее.

– Ой! – зажигалка вылетела у нее из рук. Я ее поднял и передал ей снова. На этот раз она справилась с эмоциями.

– А что там горит? – стенки у этой зажигалки были металлическими.

– Жидкость, быстро испаряющаяся жидкость. В общем, газ, болотный газ. Он может быть и жидкостью, и газом, в зависимости от давления.

– Интересно! Вы заканчивали университет?

– Да.

– Так Вы еще и доктор? И в какой же области?

– Название вам ничего не скажет: в газогидродинамике.

– Вы ошибаетесь, Вы же сами сказали, что эта жидкость,

гидро, может быть газом! Так, мой принц?

– В общем и целом, да, Вы правы, мадам.

– Можете называть меня Марго.

– Тогда я – Андре.

– Договорились, Андре. – и она подняла рюмку.

– Ваше здоровье! – сказал я по-русски.

– Что-что?

– Это по-русски, я пожелал Вам здоровья, Марго.

– Замечательный тост. – Она пригубила коньяк. – Ого!

Интересный арманьяк, не хуже, чем у старого графа Монте-скью. Гораздо более богатый букет! Чего к нему не хватает, так это кофе. Эмилия, сходите поставьте кофе, мы с господином Андре сейчас докурим и подойдем.

– Да, мадам. – Марго проводила ее взглядом, но не преминула посмотреть, не заинтересовался ли я девушкой.

– Моя воспитанница, бедная сиротка, хотя из хорошей семьи, но их имение разграблено, а из-за молодости ей пока не передают наследство. У самой меня детей не было. Замужем я была совсем недолго. Муж был гораздо старше меня и был вечно занят. Мне иногда казалось, что жену он завел больше из-за этого имения, чем для всего остального. Увы. Пройдем в гостиную? Прошу Вас! – и взяла меня под руку с правой стороны. С левой у меня висела шпага.

Воспитанницу Марго отослала спать, сказав, что кофе ей на ночь ни к чему, не уснёт.

– Вы меня заинтриговали, принц. Мне кажется, что вы состоите из сплошных достоинств. – сказала она, как только за воспитанницей закрылась дверь.

– Вы мне льстите, Марго. Да, у меня очень неплохое образование и кое-какой опыт в некоторых вопросах, но, по сравнению с парижским двором, я выгляжу эдаким «мужланом». У нас гораздо меньше уделяют внимания этикету.

– Совершенно с Вами согласна, но в этом есть свой шарм. Вы... Вы... – у нее не нашлось слов, чтобы описать всю ту неловкость, которую я допустил во время знакомства.

– Я – слон в посудной лавке, дорогая Марго. Как чего не сделаю...

– Вы – необузданный. Узду ведь приучают лошадей не плевать, а Вы плюете на эти условности, это же всего на всего рамки, в которые вас пытаются втиснуть, а у вас плечи шире этих «рамок». Вы просто гигант, из-за этого форма на Вас кажется тесной.

– Да, мадам, это самый большой размер, который удалось достать в корпусе герцога Бернгарда. Он любит, чтобы в его корпусе все ходили в придуманной им форме.

– Розы – прекрасно шьет, двадцать – двадцать пять су делают ее счастливой.

– Кто это?

– Жена моего управляющего. Она – прекрасная рукодельница.

– Я воспользуюсь Вашим предложением.

– Вот и прекрасно. Погостите у меня. Вам это не повредит, вы же едете издалека?

– С севера Бельгии, Марго, уже два месяца.

– Тем более. Две декады назад опять были перестрелки на границе. Там беспокойно. А, кстати, Андре, а кто вам делал эти замечательные кресало?

– Это было в России и уже давно.

– Что такое Россия?

– Россия – это Московия, самоназвание.

– А вы знаете: как такое сделать?

– Немного «да», сам этим не занимался. Требуется прокисшее вино, точнее: винная кислота. И поташ.

– Всего на всего?

– Ну, еще и руки, без них ничего не делается. И станки. А главное: электродвижущая сила.

– Вот этот термин для меня не понятен.

– Я смогу это объяснить, но мне требуются кое-какие приборы. Хотя... Найдите мне перышко, маленькое.

Марго подошла к дивану, и довольно быстро вернулась.

– Такое или такое?

– Кладите оба. – я взял со стола небольшую стеклянную палочку, и поднес ее к перышкам. Они, естественно, не среагировали на нее. Удивленные глаза Марго смотрели на меня не понимающе. Затем я потер ее о шелковую тряпку и поднял оба.

– Как? Почему они прилипли?

– Это сделала та самая электродвижущая сила. Молнию видела?

– Конечно.

– Облака за счет трения могут накапливать ее и разряжаться на облака имеющие другой заряд или на землю, если она заряда не имеет.

– Мне говорили...

– Не имеет значения, что тебе говорили по этому поводу. Греки говорили, что это Зевс мечет их. Это не совсем так.

Марго уставилась на меня своими глазами.

– Господи! А ты ведь мог просто проехать мимо. Господи, что я говорю?! Знаешь, как я устала носить черное? Я ненавижу этот цвет! Завтра я сниму траур, прошло пять лет, и я хочу праздника. Хочу видеть себя в белом, мне же всего 24 года, а выгляжу, как старуха. В горле пересохло. Я схожу принесу вина, Эмилия уже спит, в доме никого нет.

– Пойдем вместе, я принесу еще бутылочку из своих запасов.

Мы вышли на улицу, предварительно Марго вытащила из небольшого бочонка факел и попросила поджечь его. Я щелкнул зажигалкой, промасленная тряпка, вымоченная в китовом жире, треща и коптя разгорелась. Это – уличное освещение XVII века. Смешно, но факт. Попросил ее не входить в конюшню, а постоять на входе. С факела, иногда, падали горящие капли, долетая до земли. Вытащил бутылку «Людовика XIII», и мы пошли в винный погреб, это чуть в

стороне отсюда.

– Не боишься ходить ночью? Лес ведь кругом, там зверья полно.

– Усадьбу строили еще англичане, вокруг нее изгородь, звери сюда проникнуть не могут. Жан хорошо следит за этим. Мой папа был королевским лесничим. Весь этот лес принадлежал раньше Джеймсу Второму, Стюарту, королю Англии, с 1453 года принадлежит наваррским и французским королям, но теперь лесничество на другой стороне леса. Король Наварры Антуан де Бурбон подарил это имение моему деду. А дедушка перестроил дом, почти полностью. Я старого дома не помню, есть одна картина, говорят, что это и есть тот самый охотничий домик короля. Не знаю, правда ли это, совсем не похож.

Она загремела ключами, я помог ей открыть небольшую, но тяжелую дверь. Юг Франции ценил толщину дверей! Воевали здесь беспрерывно, и дома напоминали миниатюрные крепости. Внутри находилось большое количество бочек и пыльных бутылок.

– Вот это, это – мое любимое. – Я аккуратно достал за донышко тяжелую керамическую бутылку, стараясь не стряхнуть с нее пыль веков. Куда уж нам уж, с нашим «стандартным» и «гостовским»!

Мы закрыли вход и через несколько минут были опять в гостиной. Но нас встречали удивленные глаза Эмилии.

– Мадам, я услышала, что открывались засовы, и очень

испугалась!

– Ничего, девочка моя, мы просто сходили на винный двор. Хочу похвастаться тем, какое вино там хранится. Можешь и ты пригубить, чтобы спалось крепче. Мы теперь не так одиноки, мсье Андре принял мое приглашение немного погостить у нас.

– Я не одета, мадам.

– Ты выглядишь вполне прилично, – тут она выговорила какое-то незнакомое слово, я его толком не понял, больше догадался, – кацавейку не снимай, и сходи подбери волосы под чепчик.

Марго перенесла подсвечник на (у нас бы он назывался журнальный) столик, возле угловой кушетки, вошедшей Эмилиии шепотом что-то сказала, встретив ее у дверей, та вновь исчезла, меня попросили помочь передвинуть кресло к столику. Он, оказывается, назывался китайским, я просто не смог ассоциировать услышанное с Китаем: поднебесный, селесте. Тут же выяснилось, что для извлечения пробок из винных бутылок у них существует странное приспособление с двумя лезвиями, прикрепленное к латунной овальной рукоятке, которое позволяет аккуратно вытащить пробку, чтобы использовать ее второй, и даже больше, раз. Но это требует физической силы. Марго вставила этот прибор в бутылку, проделала с ним какие-то манипуляции, и попросила меня вытащить пробку. И вот тогда я понял, для чего французы

выжигают на боках пробки клеймо, чтобы эта пробка в следующий раз использовалась с таким же вином при разливе. Открывать «Людовика» не пришлось, старый херес «Де ля Фронтер», где-то 200-летней выдержки, тут никакого «Луи» не требуется. Эмилия, сделав глоток, смешно хлопала себя по щекам, говорила, что так вкус чувствуется лучше. Французы за столько лет совершенно не изменились. Они готовы часами обсуждать вкус, цвет, смаковать и тестировать еду и питье. Затем она раскланялась, поцеловала госпожу в щечку и ушла спать. И здесь, господа читатели, самый большой облом! Это XVII век, а не XXI, когда «деушки» стаскивают с себя трусики едва войдя в дом. Здесь нагота под страшным запретом, платья еще глухие с высоким воротом. Руки закрыты им по самое запястье. Женская чувственность под страшным запретом, и следит за этим тот самый капеллан. Франции еще только предстоит выйти победителем в борьбе со Священной Римской империей Габсбургов, разбогатеть и развратиться. Все это не было прелюдией к совместной постели. Мне только намекнули, что мадам хотела бы видеть меня рядом, что она одинока и полна нереализованной любви. Разговор пошел о той самой зажигалке, но я понимал, что сделать быстро ее не получится, и предложил другой способ сделать тоже самое, и этим добыть недостающее. Требовалось помещение неподалеку от ручья, съездить в соседний город, где работают цеховики, занятые покраской английской шерсти, есть несколько стеклодувов, имеются неплохие

медники, кузнецы, ювелиры и таможенники. В общем, все специальности, которые мне требуются для создания зажимки, которую захотят иметь все. С утра было обещано начать создание предприятия «Рога и копыта». Рога, правда, наставлял некому, но копытами я уже бью. Мне подставили щечку для поцелуя.

– Мсье Андре, я просто счастлива: у меня появился такой замечательный собеседник, и, возможно, настоящий компаньон. Спокойной ночи, дорогой Андре. Пройдемте, я вам покажу комнату для гостей, там все готово, Эмилия постелила вам во флигеле. Надеюсь, что и вам не жаль потерянного времени и вы забыли ту невольную ошибку, которую я допустила при встрече.

– Все было прекрасно, дорогая Марго. А Вас совершенно оправдывает близость к границе ваших владений и удаленность от города. – на этом мы и расстались.

Глава 4. Приступаю к созданию империи, но «баба Яга» – против!

Встают здесь рано, даже если до поздней ночи пьянствовали. Крепкий утренний кофе был подан Розе прямо в постель. Она же гоняла Эмилию, чтобы та не ленилась, а помогла ей убратся в столовой. Той кофе в постель не подавали. Я несколько шокировал всех, так как расспросил Жанна как пройти к речке, в одном халате спустился туда, и выкупался под водопадом. Растерся полотенцем и приступил к зарядке, будучи в одних купальных шортах и легкомысленной маечке с глубокими вырезами. Я даже заметил, что и Марго не пропустила такое зрелище, не только мальчишки. Скоро это место станет моим основным местоположением. Чуть ниже по реке небольшая плотина с водяным колесом, рядом два каменных строения, к которым мы с Жаном и его старшим сыном и подошли после второго завтрака. На мельнице молотось не только зерно, но и была пороховая мельница. Я обратил внимание, когда заряжал пистолеты, что порох уже не порошком, а гранулами, то есть, смесь из порошков селитры, серы и угля смачивают водой, раскатывают как тесто и сушат, затем превращают в гранулы, но еще не создают глянec. ОК, этот процесс мы пропускаем, они уже это знают. Во втором строении находилось что-то вроде мастер-

ской и стоял горн с наковальней, большое точило, в третьем – что-то вроде склада, куда сваливали все нужное и не нужное. Там я немного поковырялся и нашел большую часть того, что мне требовалось: одну медную сварную трубку, кран, как от самовара, несколько бронзовых болванок и три тяжелых чугунных спинки из довольно толстого чугуна. Гуд! То, что нужно.

– Жан, мне нужна небольшая бутылка с отвалившимся донышком и банка из стекла цилиндрической формы.

– Какой-какой формы?

– Вот такой.

– Есть кастрюлька такая, вон там висит. Даниэль, слазай, достань, да не расколоти! У него все из рук валится, мсье Андре! Дождется у меня.

– Даниэль, вон ту вон круглую медяшку захвати.

– Да, господин Андре.

У Жана был коловорот и несколько перовых сверл по дереву, но, чтобы прорезать довольно мягкую медь этого хватило. Точилом обровнял бутылку без дна, вставил ее в отверстие будущей крышки, отлично, можно закрепить любой разрезной шайбой. Лучше делать эту крышку из стекла, но для этого требуется в город.

– Даниэль, коляска есть, чтобы в город съездить с мадам д’Этьен?

– Есть, конечно.

– Запрягай. – сказал я и, захватив с собой все сделанное, я

пошел наверх к дому. Поцеловал руку и подставленную щеку.

– Дорогая Марго, вы выглядите просто великолепно! Вам потрясающе идет это платье. – Надо было видеть покрасневшее ее, но очень довольное, лицо, – Почти все, что необходимо, я нашел внизу. Там конечно, требуется навести порядок, и кое-что отремонтировать, но места достаточно. Вот что нашли, это заготовки для будущей зажигалки.

– Она будет такой большой?

– Других готовых частей не было. Мы сейчас с Вами съездим в город, вы в нем лучше ориентируетесь, мне требуется кое-что приобрести, а кое-что заказать, и договориться о том, чтобы нам делали заготовки.

– Так ведь они начнут их сразу делать сами!

– Марго, если бы это было так просто, во всех домах они бы уже стояли. Стоять будут, но сделаны они будут здесь. Остальные будут их приобретать. Это я обещаю.

После недолгих сборов, мы тронулись втроем с Даниэлем в сторону города, но теперь в коляску было запряжено две лошади. На голове у Марго красовалась шляпка с букетиком искусственных цветов, и довольно большими полями, на глазах черная маска, украшенная вязью из бисера, под лифом – жесткий плотный корсет, поднявший ее грудь к уровню подмышек. Лиф спереди сплошной, а сзади застегивался на мелкие шарообразные пуговицы. Он имел довольно пышные

оборки, закрывая пояса юбок, которых было не меньше четырех. Сверху разрезной modest, создававший над поясницей и ягодицами эдакий бантик, под ним сплошная нижняя юбка: фрипон, под ним еще пара сильно накрахмаленных легких юбок для создания объема и «линии». Выглядело это неплохо, но я сочувствую тем молодым и пылким людям, которые захотят добраться до «заветного»! Под оборками лифа юбки пристегивались к нему, нижние – к корсету. Благодаря такой конструкции весь час, что мы ехали в Байонет, бедная Маргарита напряженно сидела на самом кончике сиденья, вцепившись руками в два поручня, чтобы не помять это выдающееся произведение швейного искусства. Основной цвет платья был алый, верхняя юбка была сделана из более темного материала. Море различных кружев. В общем, пока я делал зажигалку, она одевалась и причесывалась. Терпела такие муки, что родить было бы проще, наверное. Но, после пяти лет ношения чуть ли не монашеской одежды ей хотелось «выглядеть». Она к этому готовилась. Еще я обратил внимание, что перед ней на стенке коляски была закреплена шпага почти без гарды, и небольшой пистолет. Но, штука это была почти бесполезная, его замок был фитильным, имелся небольшой очажок, с набором сухих щепок, которым можно было запалить фитиль. Колесцовые замки уже существовали, это изобретение Леонардо да Винчи, единственное из всех, имевшее практическое применение. Но стоимость такого механизма была «королевской», повышающей стои-

мость оружия в пять-семь раз. Испанец имел только один такой пистолет. Вот и приходилось нюхать запах тлеющего древесного угля всю дорогу. Тем не менее, поездка получилась спокойной, по меньшей мере по направлению к морю. Океан открылся после какого-то поворота, и более не исчезал до самого пикета на въезде. Стражники поприветствовали Марго и взглянули на меня.

– Мой компаньон: доктор Андре.

– Мы и глядим, как преобразилась наша скромница д'Этьен! Счастливого пути!

– Вот не могут не уколоть! А, пусть завидуют! – сказала она и положила мне на руку свою руку в тонкой кружевной перчатке. В первую очередь заехали в суконные ряды, где купили за несколько су целый мешок испанского пигмента для покраски шерсти в черный цвет. Затем посетили стеклодувов, которые через час грозились по медному образцу изготовить стеклянный и вварить туда ту самую бутылку. Бралась и изготовить все это из более тонкого стекла с добавкой свинцовых солей. У провизора я приобрел несколько реторт, пробирок и притертых краников. Некоторые вопросы возникли с приобретением цинковой обманки, то, что предлагали несколько отличалось по качеству от необходимого, взяли чисто для пробы и двинулись к кузнецам, где пришлось чуть больше потратиться. На всякий случай я приобрел мягкое железо, болванку для вала будущего станка, несколько сверл по металлу, проверив их качество. Договорились о сотруд-

ничестве, и сделали пару заказов. Затем к медникам, которым передали весь имеющийся запас цинковой обманки, и заказали там латунь с минимальным содержанием меди.

– Качество металла особого значения не имеет, я знаю, что будут трещины, Вы абсолютно правы, мастер, но мне нужно именно это. Договорились?

– Три экю, и по рукам.

– Но материал ведь полностью мой.

– Эх, ну хорошо, печь горячая, четыре ливра. Зайдите, как солнце к ратуше придет.

– И еще трубочки нужны, отоженные. Вот такие.

– Пятнадцать су.

– Это грабеж, там фунта нет по весу.

– Берите две.

– Договорились.

Оставалось найти самое сложное: мне требовалось то, что запрещено было ввозить в Старый свет. И я направился в порт, оставив Марго у магазинов с тканями. Нашел таможеню, и пригласил их старшего выпить кофейку и закусить.

– Я взятку не беру, сразу предупреждаю. Если по поводу досмотра, то даже можете не начинать разговор.

– Нет, меня интересует металл поддельных серебряных монет, испанских. Тех, которые не плавятся.

– Из «серебришка»?

– Да, испанцы его платина называют, но не в монетах, а в виде лома.

– Могу поинтересоваться: зачем?

– Хочу изучить этот материал, так как он ведет себя необычно. Ехал за этим в Испанию, но меня отговорили из-за недавней стрельбы на границе.

– Да, постреливают, опять не пускают суда ни туда, ни отсюда. Много надо? Мы их, действительно, ломаем, так как ценности они не представляют, а монет много и ущерб может быть значительным для королевства.

– Фунта три – четыре.

– Столько можете взять бесплатно, за эту чашку кофе и кебаб. Прошу Вас, доктор Андре. – завел в небольшую кладовку, где лежало целое состояние: несколько тонн рассеченных и разломанных монет из платины. Я скромно набил кожаный мешочек и сунул в каждый из карманов по паре пригоршней обломков.

Дождавшись, сидя под зонтиком в коляске, когда медник вынесет заказанное, выехали в сторону дома Маргариты. Стражники на выезде поинтересовались что везем, но увиденное их не вдохновило. Скорость передвижения заметно упала, так как дорога вела в основном в горку, возвращались почти два часа, кстати, здесь одни часы на город, остальные – солнечные, и слово час практически не употребляется. Что это такое минута – знают исключительно моряки, причем из комсостава, для остальных бьются склянки, четверть часа. Затем был длительный обед, даже в современной Фран-

ции он занимает очень значительную часть времени, поэтому до темноты я успел совсем немного, только соединил воедино закупленные сосуды и пришлось заканчивать. Скорость здесь развить не удастся, это точно, хорошо еще, что на Марго его пока тратить особо не приходится. Вниз к речке она пока не спускается, и этим не мешает. Я с ними на всякие вечера не хожу, так как признался, что исповедую другую религию, православную. Честно говоря, я и этого не делаю, но за столом веду себя прилично, «осеменяю» себя двумя пальцами, на Руси Никон еще не пришел, там пока нет ни старого, ни нового обряда. Все крестятся так, двумя перстами. С утра, после зарядки и специальных упражнений, в том числе со шпагой, приступил получению соляной кислоты, нагрев закупленный «пигмент», предварительно просушив его, с поваренной солью, и пропуская это, довольно вонючее, дело через воду. Пигмент – железный купорос, FeSO_4 , ну, а формулу соли вы, наверное, и так знаете. Повторив этот опыт несколько раз, получил около 10 литров водного раствора HCl . Пока все это «химичилось», я подготовил и закрепил на стеклянных палочках два образца: один из латуни, где 92 % составлял цинк и его соединения, а 8 % – медь, как связующее. Второй образец был выполнен из железных гвоздей. Теперь требовалось удалить из системы воздух. Тут пришлось малость поизвращаться, вначале заполнив полностью систему слабым раствором кислоты через отверстие поглотителя паров, затем откачать с помощью сделанного эжек-

тора и мехов, большую часть этой кислой водички, и добавить туда крепкого раствора. Умудрился даже не обжечься, и реакция пошла уже с большей скоростью. Естественно, что никакого огня и рядом не было. Убедившись, что реакция идет, прикрепил «палочку» из платины, появилось пламя. Закрыв кран, поднявшееся давление оттеснило кислоту, реакция прекратилась. Успел с этим до обеда и перенес сооружение на кухню. Поставил всё, закрепил и полчаса объяснял Рози: как безопасно пользоваться этим устройством. Из-за этого чуть задержали обед, и сюда заглянула Марго. Мы как раз зажигали и тушили огонь. Марго захлопала в ладоши, чмокнула меня в щеку и выбежала из кухни. Вернулась, дура, с отцом Эмилем.

— Это — колдовство! Огонь добывается трудом, так сказано в писании! — заявил он за обедом.

— Ну, иди и сделай такую зажигалку. Я что: против? Потратить свой труд, чтобы развести огонь.

— Там что-то булькает, это — дьяволышина.

— Не хотите это видеть, могу поставить туда темную бутылку. Этот суп, я сам видел, недавно булькал, но вы его навораживаете, аж за ушами трещит. И это не дьяволышина?

— Господь посылает нам пищу.

— А мне кажется, что это Рози её приготовила. Разве нет?

— Не богохульствуй, сын мой! Анафеме предам.

— Хорошо, доедайте супчик, пройдем к устройству.

Я вошел первым и снял катализатор, освободил сосуд и

подвинул его ближе к краю стола. Попросил Марго принести зеркало. После ее прихода нажал на рычаг клапана, кислота вошла в бутылку и началась реакция.

– Нюхайте, святой отец. Чем-нибудь пахнет? Ну, там, серой, чертом, горелым рогом, черт знает, что вы там с дьяволом ассоциируете.

– Нет, не пахнет.

Я щелкнул зажигалкой, появилось пламя. Сверху под углом я поставил зеркало, на котором сразу появились капли воды.

– Видите? Пальцем проведите и попробуйте. Не бойтесь, не отравитесь. – я сам снял каплю и лизнул ее. Капеллан с опаской провел по зеркалу и лизнул палец.

– Вкус есть?

– Нет, вода, похоже.

– Вот именно, вода. Самая, что ни на есть святая. Она только-только родилась, и еще не успела согрешить. В вашей «святой» воде полным-полно микробов, хотите покажу? Вы кропильницу не моете.

– У нас нет кропильниц, мы не католики.

– Я – тоже. Все поняли? Выключаю, и возвращаемся за стол. – я установил на место катализатор.

Но и после этого поп продолжал бубнить, что ему непонятно откуда: взялся газ.

– Учиться надо было, святой отец, а не водить пальцем по сказке.

– Да ты еретик!

– Терпеть не могу дураков и неучей. Закончим обед, я тебе покажу, как и что делается. Все это сделано из тех вещей, которые используются каждый день людьми, но в других областях. Ездил я в город не один, а с мадам д'Этьен, и покупали мы все это у добропорядочных людей, занимающихся каждый своим делом. Так ведь, Марго?

– Да, святой отец, мы все купили в городе. – она не ожидала атаки с этой стороны и была несколько растеряна. – Это я просила мсье Андре сделать такую же зажигалку, какой он пользуется сам. Только она у него совсем маленькая. Но ему не хватает инструментов, чтобы сделать точно такую же. Сделал другую, и она работает. И не нарушает законов божьих! Свой труд он в нее вложил, чем облегчил труд остальным. Мы утром договорились о том, что будем изготавливать и продавать такие. Вместе. Он – мой компаньон. Я подала заявку в мэрии о том, что мы создаем предприятие по производству таких зажигалок. У нас будет патент. Я постараюсь, чтобы он был королевским. – гордо сказала Марго. Её тоже задело, что капеллан вмешивается в ее «бизнес». – Лютер и Кальвин говорили, святой отец, что церковь не должна вмешиваться в дела людские.

– Только, если это не колдовство и не мракобесие.

Обед был напрочь испорчен, даже без послеобеденного аперитива, мы вчетвером, Эмилия увязалась за нами, пошли в мастерскую. Я вытащил мешок с железным купоросом.

– Ваш плащ, отец Эмиль, покрашен в черный цвет вот этим веществом. Как видите, оно зеленоватого цвета. Есть на востоке такой краситель: хна, в нем много железного купороса, женщины им подкрашивают волосы и брови. Несколько дней ходят с зелеными волосами, затем смывают и волосы становятся похожи на воронье крыло. Делает это вот этот порошок, который мы купили... Маргарита, скажите, где мы его купили?

– У Анри Сутулого, за два су, полный мешок. Вы у него этот плащ покупали.

– Не покупал, он мне его подарил. – буркнул отец Эмиль.

– А это – соль, которой овец подкармливают. В ней есть что-нибудь бесовское? Идем за водичкой. Наберем ее вот в эту баночку. Проверьте, а вдруг там какой-нибудь бесёнок спрятался. Святым крестом его оттуда. Набирайте! Да, осторожнее, вдруг там водяной окажется!

– Кто-кто?

– Водяной, нечистая сила из наших сказок, который, якобы, в воде живет, за ноги хватает и топит. Так судороги от переохлаждения объясняют. Отпейте чуть-чуть. Чистая? Пресная? Ставьте сюда. И вот эту трубочку туда опустите. Теперь берем немного железного купороса, и добавляем туда соль в равных количествах, перемешиваем. Понюхайте! Серой не пахнет? Нет? Замечательно! Засыпаем вот сюда и ставим на огонь, начинаем прокаливать. Впервые этот опыт провел монах-бенедиктинец Базилиус Валентинус. Видите, из трубки

начал выходить газ, но пока это просто нагретый воздух. А вот пошла реакция! Видите, цвет начал меняться. Так-так-так, вот сюда вот переткнем, временно. Берем в пипеточку. – Я чуть капнул себе на палец, попробовал, уже немного кислит, ну, так чтобы этому самому Эмилю желудок не сжечь. – Попробуйте! Пока это можно сделать, у вас в желудке находится точно такая жидкость, она сейчас занята тем, что переваривает того ягненка, которого вы только съели. Вкус изменился?

– Вода стала кислой.

– Вот именно! Перетыкаем, и чуть приподнимем реторту над плитой. Слишком сильно нагревать не стоит. Пусть еще побулькает. А этой жидкостью польем вот этот металл. Кто его нам сделал, Марго?

– Себастьян, из-за него три четверти часа сидели в коляске и смотрели на ратушу.

– Что-нибудь происходит, падре?

– Нет.

– Это потому, что концентрация у этой жидкости слабая. Да и того количества соли и купороса недостаточно, чтобы получить крепкий раствор этой кислоты. Но все равно,ждемся, чтобы все прореагировало.

Мы дождались того момента, когда газ перестал булькать. Я взял пробирку и небольшой кусочек цинка, пробку с трубкой для нее. Положил туда цинк, и долил той кислоты, что получилась в результате опыта. Концентрация была неболь-

шой, но пузырьки газа появились. Подносить огонь туда было опасно. Поэтому я взял немного медного купороса, я, пока делал утром предыдущие опыты, его получил, сунув медную пластинку в железный купорос и чуть нагрел.

– Видите, реакция идет, но слабо, подносить огонь сейчас туда опасно, добавим вот этой соли. – я соскреб купорос прямо с медной пластины. Кислота окрасилась в зеленоватый цвет, и реакция ускорилась. Гремучий газ вытиснился водородом, и я поджег его. Поднес пластинку из стекла, и там появилась вода. Дал попробовать монаху.

– Вода?

– Вода.

– Этот газ называется «гидрогениум», рождающий воду, благодаря тому, что вулканы на земле давали и дают водород, образовались моря и океаны, и в них появилась жизнь. Без воды никто жить не может. Ваше тело состоит на 70–72 % из воды. Мы с вами ее только что получили. Ну, и где тут дьявол закопался? – капеллан что-то буркнул и вышел из мастерской, и тут произошло то, чего я совершенно не ожидал. Меня обняли и поцеловали в губы.

– Эмилия, не смотри на меня так! Он только что спас наше предприятие, наше будущее! Ну не вечно же мы должны жить в этом лесу! Идет война, налоги выросли, процентов, которые платит мне банк начинает не хватать, солнце мое. Твой капитал не настолько велик, чтобы ты смогла восстановить то, что разрушено и дальше жить на проценты и доходы

с имения. Бесприданнице выйти удачно замуж весьма сложно! А изобретение Андре даст нам возможность заработать деньги, большие деньги. Надо только сделать несколько таких штучек, красиво их украсить и подарить нужным людям, для начала. Получить королевский патент, и уехать отсюда в Париж. Хватит жить в этой глуши! Ты со мной согласен, дорогой?

– У меня не настолько много денег, чтобы сделать дорогую вещь.

– Но мы же – компаньоны... Это будет мой, нет, наш с Эмилией вклад в общее дело! – она второй рукой дотянулась до девочки и притянула ее к себе, обхватив и ее за талию. – Что скажешь, дорогая?

Та, сильно смущаясь, что-то прошептала, и была тоже удостоена поцелуя хозяйки.

– Ты – умница, а он – наш ангел-хранитель. Его ум и знания помогут нам вырваться из этого леса. Жан – неплохой управляющий и давно ведет здесь дела. Он – справится.

– Марго, это пока только лаборатория, требуется создать производство. Производить будем кислоту и цинк. Сосуды и все металлические части будут производиться в городе. Да, и еще, я бы хотел вот в той комнате сделать баню.

– Что-что?

– Баню, дорогая.

– Что это такое?

– Место, где люди моются. Здесь в Европе этого не дела-

ют, а у меня на родине моются часто, минимум раз в неделю. Мне надоело мыться под водопадом, да и скоро погода изменится. Вода здесь рядом. Место довольно удобное. Вот здесь отгорожу место для раздевалки, а там поставлю печь и полати. Здесь будет мыльня. Кстати, мыло, мыло тоже можно делать.

– Что это?

– Потом расскажу. Сделаю, дам попробовать.

– Ну делай, конечно, если ты привык так жить. Слушай, какой ты огромный! У него такие мышцы, Эмилия, как у Геракла! Да-да, помнишь скульптуру во дворце в Бьярице? Один в один!

– Я на нее не сильно и смотрела, срам там одним листочком прикрыт. – ответила покрасневшая девочка, и побежала наверх, к дому. Воспользовавшись случаем я поцеловал сам Марго. Она ответила на поцелуй. Но потом одернула платье и предложила вернуться в дом и составить договор. Дела превыше всего! Все правильно! Между нами – пропасть! Мы – разной веры. Это не поощряется. А имея, заверенный нотариусом, договор о предприятии, можно не опасаться и закрывать глаза на остальные вещи, в том числе, и на то: кто с кем спит. Маргарита, про себя, уже просчитала такой вариант, вот и выдала его на-гора. И волки сыты, и овцы целы. В этом отношении протестантская религия гораздо гибче, чем остальные. Договорные браки есть пошли отсюда.

Глава 5. Создание акционерного общества в средние века

Она вытащила из бюро в кабинете, я впервые в него попал, какой-то документ, довольно старинного вида, на свитке, и стала быстро его переписывать.

– Это договор между моим отцом и его компаньоном, у них было предприятие по производству «арманьяка». Он – действующий, хотя его участники давно на небесах, но их наследники обязаны его соблюдать. Так что, пока стоит Франция и Наварра, это надежная основа любых отношений. Кстати, моя мать – дочь папиного компаньона. Вместе с ней он передал и ее долю в этом предприятии. И у папы с мамой был брачный контракт, а не только поцелуй креста в церкви. Так надежнее, и позволяет в случае смерти одного из супругов избавиться от некоторых налогов.

В душе я немного посмеивался над ее попытками покрепче меня привязать к себе, но прекрасно понимал, что без ее участия мой путь на этой земле будет очень коротким. Моя «легенда» шита белыми нитками, и, если сильные мира сего плотно заинтересуются мной, они раскопают все, что я сочинил. Эта девушка в дебри не лезет, ей требуются не только и не столько деньги, сколько возможность продолжить род и преумножить состояние, она не так бедна, коль живет на

проценты и немного подрабатывает на коньяке. Кстати, посмотрел я и на винокурню, там море работы, потому, что все сделано настолько убого, что диву даешься. У нас самогонные аппараты имеют более длинный змеевик конденсатора и принудительное охлаждение, здесь змеевик охлаждается тем самым вином, которое перегоняют. Соответственно, большая часть спирта не успевает сконденсироваться. Но, в первую очередь, требуется получить губчатую платину, для этого требуется аммоний. Так что, повозиться придется, ведь азотную кислоту здесь еще не «открыли». В общем, она писала, я тоже писал, но совершенно на другую тему. Пока в виде формул я нащупывал тот путь, по которому предстояло пройти. В первую очередь требовалась концентрированная соляная кислота, концентрированная серная и такая же азотная. Благо, что рядом полным-полно «селитряниц»: регион, в основном, занимался разведением крупного рогатого скота и выпасал овец, кроме того, хорошо развито виноградарство, а виноград без калийной селитры быстро гибнет от мучной плесени. Так что, мою «любимую» азотную кислоту я скоро буду иметь. Но требуется вначале как следует подготовиться. Часа через два, никак не привыкну к тому, что нет возможности глянуть на часы, Маргарита закончила писать и завалила меня юридическими терминами, в которых я плавал, как лягушка в крынке с молоком. Но, запрошенные ею проценты были неожиданно низкими, а вступительный взнос – довольно высоким. Оказалось, что существует ген-

дерная поправка, подписанная королем, что если предприятие создается мужчиной и женщиной, то их доли минимум на 25 процентов должны различаться. Ничего себе! Так как их, по договору, двое, то каждая из них уступила мне 12,5 %, и это максимально выгодно для них. А так как, и Марго, и, через нее, Эмилия вносят 4 тысячи экю каждая, то это будет крупная компания.

– Ты не беспокойся, это – не такая уж и значительная сумма, рисковать полностью капиталом я не собираюсь, а 4 000 из капиталов Эмилии я свободно могу внести, не согласовывая это с мэрией и попечительским советом, это меньше того, что она заработала за счет того, что я не использовала ее капитал почти восемь лет. За использованием ее средств следят, так чтобы к совершеннолетию малышка не осталась «на бобах». Но, эти деньги помогут нам быстрее добиться результата. А теперь, дорогой Андре, мне бы хотелось, чтобы ты изобразил главные детали «зажигалки», то, без чего она работать не сможет. А я попробую это все «одеть», создать форму, чтобы это выглядело красиво. Ты сделал все очень рационально, но выглядит это просто «кастрюлей с трубочкой». Ты меня понимаешь? Она должна радовать глаз. Согласен?

– В общем и целом, да, это необходимо.

– Ты вчера сказал, что мне идет то платье, в котором я была вчера. Я сама его придумала! Сшила его Роза, но по моим рисункам. Я с детства люблю рисовать женские фигу-

ры, впрочем, мужские тоже. Можешь взглянуть, это – ты, на берегу реки.

Да, не ожидал! Рисунки были очень неплохо выполнены. Часть из них была просто набросками, а некоторые уже были достаточно законченными. Я прикоснулся губами к пальчикам ее руки, и решительно подвинул к себе лист не слишком хорошо отбеленной бумаги.

– Вот эта воронка – обязательный элемент конструкции. Это – газоотвод и герметичный клапан. Малейшая утечка газа отсюда приведет к тому, что под воронку войдет жидкость. Начнется реакция, но это вызовет понижение уровня жидкости, вот здесь, реакция остановится. Эта часть конструкции может иметь любую форму, но жидкость должна иметь свободную поверхность и не переливаться через край. Давление, здесь и здесь, должно быть чуть выше нормали. Это – сообщающиеся сосуды. Ты меня понимаешь? Газ не должен быть под большим давлением. Вот это клапан это регулирует.

– Да, Андре. Я – понимаю. А если это будет в форме вазы? Или танцующей нимфы? Из гипса?

– Нимфа должна быть полой внутри, тогда в нее возможно будет поместить стеклянные сосуды. А так, не забывай, что кислота разъест гипс, и превратит его в порошок. Для этого годится китайский порцелен, но, сама понимаешь, что из Китая не навозишься. В принципе, можно попытаться сделать так, чтобы даже пары кислоты наружу не прорывались,

но есть технические сложности. Это мы оставим на потом, хотя идея – замечательная. Здесь еще одна проблема, дорогая. Вот этот кусочек металла. Без него газ автоматически за- жигаться не будет. Угол, под которым он стоит, и вот эта вот ломаная линия, это монета, сломанная пополам, наш самый большой секрет, если честно. Мне требуется его спрятать, как можно глубже. Мне необходимо перевести этот металл в другое состояние, сделать это можно, но при отсутствии отца Эмиля в доме. Причина вот в чем: соль и эта кислота образо- ваны за счет газа, зеленого цвета, очень тяжелого и ядовито- го. Этот газ при определенных условиях, может реагировать с этим металлом и создавать его соли. Сама кислота на него не действует, она гораздо слабее, чем этот газ. Получив стро- го определенную соль этого металла, я смогу восстановить его обратно. Но в этом случае, он осядет на металлическом кольце в виде такого «ежика» черного цвета. Никто, без спе- циального опыта, не сможет установить из чего сделан этот элемент конструкции. Этот металл практически ни с чем не реагирует. Эмиля требуется куда-нибудь услатить на недельку.

– Я его могу услатить даже на более долгий срок. Он повезет письмо в Париж сыну друга моего отца.

– О чем будет письмо?

– Как раз о твоём изобретении.

– Ты не поняла, это нужно сделать до того, как о нём ста- нет известно кому бы то ни было.

– Да, это сложнее, но я попробую. Он просился у меня от-

пустить его в Тулузу, там собираются создать какое-то озеро, чтобы покончить с засухами. Он входит в какую-то комиссию там, но возвращается оттуда весь в расстроенных чувствах, измотанным и нервным. В этом году я не хотела отпускать его, можно будет попробовать этот вариант. Я, правда, не уверена в том, что он сейчас поддастся на это.

– А что, если сказать, что мне требуется срочно выехать в другую сторону, допустим, в Бордо.

– Я не хочу, чтобы ты куда-нибудь уезжал.

– Правда?

– Именно так. И я не хочу его обманывать. Все должно быть честно. Он должен понять, что это – голос судьбы. Как она протрубила, так и будет. Скоро ужин, я схожу к нему. Его должность – выборная. Я ведь могу и изменить это решение.

– Как знаешь.

– Препятствовать тому, что может принести доход? Зачем мне такой пастырь? Я пошла. Кстати, тебе нравится этот кабинет?

– Очень даже ничего.

– Ты можешь работать здесь, это удобнее, чем писать на столе в мастерской.

– В лаборатории. – поправил ее я и немного улыбнулся. Мне улыбнулись в ответ, и Марго вышла.

Вернулась она с опозданием на сорок минут, без капеллана. Эмилия и Роза задали вопрос: «А где патер Эмиль, и по-

чему он не пришел ужинать!».

– Он собрался и уехал в Тулузу, у него там какие-то дела.

Все состроили понимающие мордашки, и мы сели ужинать. Ужин прошел спокойно, Роза убрала посуду и ее отпустили кормить своих мужиков. Эмилия показала какие-то кружева, которые она плела, мы тихо и мирно беседовали на отвлеченные темы, затем девочка ушла к себе.

– Фу! – выдохнула Марго, – Был очень тяжелый разговор, ты ему сильно не понравился сегодня, сплошные обвинения тебя в неуважении к богу и еретизме. Но, под давлением отзыва моего согласия под его выборами, он согласился уехать на несколько месяцев.

– У меня один вопрос: ты забрала у него ключи от нижней калитки? Я как-то видел, что они у него есть.

– Не-ет. – чуть растянуто произнесла Маргарита.

– Придется идти его встречать. Кстати, он – дворянин?

– Да, он был дворянином до того, как принял сан.

– Тогда придется взять с собой две пары факелов. Если он вернется, я его проткну шпагой, так как он хочет оскорбить мою даму сердца.

– Я не ослышалась?

– Не думаю, что у тебя плохо со слухом.

– Поговаривали, что он – сильный фехтовальщик, и в монахи пошел из-за дуэлей.

– Тем хуже для него. Ваши пресвитеры жен иметь могут?

– Это не запрещено.

– Теперь все понятно! Он это местечко приглядывал для себя.

– Я его иначе, чем святым отцом, и не представляла. И уж тем более ни как мужа!

– Времена меняются, женский век короток, а женское «я» у тебя присутствует.

– Да, есть такой грех, особенно, если я смотрю на тебя. Раз уж ты сказал, что я – твоя дама сердца, то позволь и мне признаться, что я испытываю к тебе такие же чувства.

– Марго, нам не позволят быть мужем и женой, мы – разной веры.

– Я – знаю. Как и вижу то, что ты не готов изменить самому себе, своему роду и своей вере. Я согласна перейти в православие.

– Осталось где-нибудь найти захудалого попа. Я, честно говоря, даже не представляю: где его можно найти. Разве что в Париже? Но туда еще надо попасть и не влететь под наши российские «разборки». Все, Марго, время, пора идти встречать нашего капеллана. Накинь плащ, уже прохладно, ветер сегодня с гор. На улицу не выходи, мне требуется пройти к себе, я же не ношу шпагу в доме, и нужно набросить на себя что-нибудь. Мышцы должны быть теплыми.

– О, господи! Я очень хочу, чтобы ты ошибался в своих предположениях. Я не люблю крови, я ее боюсь.

Я улыбнулся и вышел переодеваться. Костюм испанца был мне несколько маловат, и ему сегодня предстояло принять

последний бой. Он его не выдержит, это точно. На всякий случай я надел и плечевую кобуру. В добрые намерения «пастора» я не верил, как и в его благородство. Мне это может здорово навредить, придется побеспокоить Жана и его парней, чтобы иметь свидетелей. Итак, шпага, кинжал, перчатки, шляпа, похожая на шляпу Боярского, и я спускаюсь вниз, где меня поджидает «мадам Бонасье» в светлом плаще с капюшоном. Вышли из дома, спускаемся вниз по тропе, я приложил палец к губам и жестом попросил ее не болтать. Спустились вниз, калитка оказалась не закрыта на замок.

– Я закрывала ее, входя сюда.

– Пойдем обратно, к дому Жана. Он – там. И тихо!

Ну, тихо ходить «дама моего сердца» не умела, зато собаки ее знали, поэтому мы подошли к приоткрытому окну, и Марго услышала все о себе, да и обо мне, тоже. Я рукой попросил ее постучать в дверь, а сам остался у окна. Марго так и сделала, когда ее пустили в дом, из окна выскочил пастор, и оказался у меня в руках, был обезоружен и немного «шокирован» несколькими ударами. Я втоптал его обратно в дом Жана.

– Стоять! Шелохнешься или попытаешься удрать, ты – покойник. Ну ка, повтори, что ты только что говорил!

– Можете меня убить, но повторять я не буду.

– Насколько я в курсе, некогда ты был дворянином. Умри по-человечески, подонок. Даниэль! Сбегай в дом, попроси Эмилию дать тебе шпагу мсье д'Этьена.

– У нас есть испанская шпага, доктор Андре. Папа с войны ее привез.

– Неси сюда.

Даниэль куда-то убежал, затем вернулся с оружием.

– Жан, Даниэль, Рози, Вам придется побыть немного секундантами. Требуется подсветить во дворе. Выходите. А теперь ты, святоша.

Там уже воткнули горящие факела, разметив площадку, Жан подал нам оружие, капеллан неплохо умел им владеть, это чувствовалось по всему. Он даже приободрился, и, по команде Марго, бросился в атаку, но шпагу я отбил, с веерной защитой он оказался не знаком, а ему самому врезал от всей души шита-цуки, левой в печень. Выполнил «наори» и укол в горло, снизу-вверх. Он был еще на ногах в момент удара. Все по правилам и слитно, как один прием защиты.

– Рози! Уведите госпожу д'Этьен и подождите меня там. Жан, обыщи его! Бумаги – все мне.

Да, он еще подлее, чем я думал! Письмишко заготовил, еще до разговора с Марго. А сюда заглянул, чтобы подговорить слуг и оговорить хозяйку, ну и меня, заодно. Насколько я понял из письма, он предлагал кому-то помочь ему убрать меня куда подальше, разделить капитал Эмили и отправить ее в приют, если Марго не согласится стать его женой и передать управление имением ему, то упрятать ее в монастырь. Имея такое письмишко – можно не беспокоиться о своей дальнейшей судьбе.

– Закопайте его!

– Ну, как же, отпеть же надо.

– Жан, ты читать умеешь?

Жан тяжело вздохнул, кивнул головой.

– Прочти вот это. Руку узнаешь?

– Это писал отец Эмиль.

– Прочел?

– Прочел.

– Похорони собаку, чтобы не вонял, и не на кладбище.

Что касается моего костюма, то он просто распался на мне. Выдержал нагрузку жилет, без проблем, и рукава рубашки. Все остальное восстановлению не подлежало. Роза, которая профессионально это заметила первой, сказала: «Боже мой, как предусмотрительно Вы, мадам, закупили материю! Мне интересно, доктор Андре, каким образом у Вас так получилось все это порвать?». Я оторвал окончательно рукав от рубашки, дал ей возможность замерить охват руки в свободном состоянии, затем согнул руку и напряг мышцу, и вновь провели обмер.

– О господи! Вы будете самым интересным моим клиентом. Припуски на вас придется замерять дополнительно.

– Наверное. А в Париже сейчас модно носить все в обтяжку, вот я и остался без одежды, стоило чуть-чуть подвигаться.

Роза вышла.

– Сколько я Вам должен, Марго. Почему Вы мне не сказали, что купили материал для меня?

– Я хотела сделать тебе приятное, и придумала фасон костюма, в котором хотела бы тебя видеть. Ты, конечно, лучше всего выглядишь у реки, когда выполняешь свои упражнения. Я нашла место, откуда я могу это видеть, так чтобы не мешать тебе и не привлекать к этому внимания. Даже пытаюсь повторить за тобой твои движения. Это похоже на танец.

– Это и есть танец, только назначение у него своеобразное. Этот танец помогает отводить чужие удары и наносить свои. Это – танец боя.

– Я догадывалась об этом его назначении. Вообще-то меня уже просто неудержимо тянет к тебе.

– Не сегодня, дорогая. Завтра, точнее, сегодня утром тебе предстоит одно неприятное дело.

– Ты о чем?

– Прочти. Это письмо мы нашли в карманах у Эмиля. В его сумке есть еще письма, я их еще не читал. Тебе собирались сделать предложение, отказаться от которого ты бы не смогла. Читай!

– Господи, какая мерзость и низость, и этот человек был пастырем, и пользовался моим полным доверием!

– Это должно стать известно в Байоне. Но, в узком кругу. У тебя есть адвокат?

– Да, конечно.

– Завтра навести его вместе с Жаном и Эмилией. Я, по

понятным причинам, поехать просто не могу. Не в чем. Там придется отвечать на некоторые щепетильные вопросы, касающиеся наших личных отношений. Говорить неправду ты не умеешь, поэтому выдашь себя с головой, если у нас что-либо произойдет сегодня. Ты согласна? Плюс, я не знаю, как отнесется общество к скорости событий. Мы ведь знакомы всего несколько дней. Они, конечно, были насыщенными, но договор между нами еще не подписан. Его подписание могут отложить до конца разбирательств. А я не хочу преждевременно показывать «зажигалку». Мне требуется несколько дней, свободных от посетителей. Иначе скажут, что один любовник убил другого. А задуманное преступление предполагало гораздо более серьезные намерения и действия.

Марго платком протерла уголки глаз, сжала губы, тихо произнесла:

– Хорошо, я так и сделаю. Спокойной ночи. – и тихо вышла из кабинета. Я спустился вниз, снял с себя все «испанское», проверил карманы и положил все рядом с дверью в коридоре. Задул подсвечник, с которым пришел сюда. Сон не шел, убийство священника могут не простить, хотя все доказательства у нас в руках, единственное, кто те люди, которым он писал? Вполне вероятно, что подобные операции проводятся этими людьми и в других местах. В коридоре слышались почти неслышные шаги, в щелочках двери проблеснули лучики неяркого света. Кто-то приоткрыл дверь, это была Марго:

– Андре, мне страшно, я пришла к тебе. – более уважительной причины она придумать не могла!

– Встать я не могу, так что, ложись рядышком, справа.

– Можно?

– Можно.

Она поставила подсвечник на прикроватную тумбочку. Вид у нее в этом чепце был довольно смешной, халат она повесила на вешалку, но сама осталась в ночной рубашке с довольно большим декольте. Увы, она не совсем понимает, что происходит. Завтра ее «юрист» может свободно отправить ее на экспертизу: имела или не имела «соучастница» половой контакт с мужчиной? А если мы уснем, то Роза сообщит об этом всем. Но, как и какими словами ей все это объяснить, если первое, что она сделала сейчас, это стала целовать мою грудь. Слава богу до сосков еще не добралась! Здесь семь трупов за две недели и единственный подозреваемый, не решить эту задачку самый тупой полицейский не сможет. Ах, да, четырех еще не нашли, но, кои наши годы! Так, все, заканчиваем, ручки шаловливые куда-то не туда полезли!

– Ритуля, ты что творишь?

– Тебе не нравится?

– Мне нравится. Но тебе сегодня нельзя, считай, что у тебя немочь. Тебя завтра могут отправить на осмотр врачом. Это практикуется.

– Я зна-а-а-ю. Поэтому и не сняла с себя ничего. Я просто хочу побыть с тобой рядом. Немного тебя поддразнить, по-

любоваться твоим телом, ощутить твои желания. Мне этого хватит! Ведь у меня этого не было почти шесть лет, даже чуть больше. Муж ушел воевать и через 11 месяцев погиб. Я, конечно веду себя, как влюбленная кошка, но как я ее сейчас понимаю. Это зов природы. Я хочу ребенка, быть матерью и женой. Верной женой, и утром я сделаю все, что надо для этого. Но мне хочется ощутить, что я желанна и любима.

Я перевернулся и чуть ее прижал своей грудью, в том числе, чтобы прекратить эти издевательства над моим телом. Долгий поцелуй с ласками языком оказался более чем достаточным, чтобы она получила то, что хотела. Марго прикрыла глаза, и вся вытянулась в струнку, я через тонкий батист, ощутил, как у нее несколько раз напряглись и расплылись соски.

– Тебе понравилось?

– У меня стучат зубы, что это было?

– То, зачем ты пришла. Всё, разбегаемся, свечки почти догорели. Сейчас или утром обязательно помойся, вся.

– Сил нет идти, у меня ноги подкашиваются.

– Арманьяк будешь?

– Буду. – я открыл, наконец, «Людовика», рюмок здесь не было, сделали по глоточку и у Марго появились силы.

– Я же тебе говорила, что у тебя сплошные достоинства, а ты не верил! У нас все будет хорошо, даже лучше, я их утром в бараний рог скручу! Вот увидишь! Я же бывшая жена прокурора, а его здесь все боялись!

Блин! Проклятое Средневековье! То одна проблема, то другая! Перестелил простынь, сунув эту на дно корзинки для грязного белья. Проснулся рано, сам пошел пить кофе в столовую, чтобы обговорить с Розы сроки изготовления для меня какой-либо одежды. Вместе с ней подобрали кое-что из довольно большого гардероба бывшего хозяина, он был мелкий, но толстый, и мода была немного другая, так что пара рубашек и брюки-капри, по-моему, они так назывались, с чулками мне подошли. Жилет был цел, кожа выдержала, поэтому я взялся, в первую очередь, за печь для бани. Даниэль, если на него постоянно не кричать, то понятливый и хороший помощник. Цемента здесь еще нет. Поэтому, известь, песок и чайчи яйца с добавкой глины заменяют его вполне нормально, только тухлых яиц много. До обеда Марго, Эмилия и Жан не вернулись. Плохой признак! Я уже начал продумывать куда и как прорываться, когда они подъехали к дому, но с ними прибыли еще две кареты. В одной сидел полицейский с двумя, не знаю пока как они называются, нижними чинами. Ажанами, что ли. Из второй никто не вышел.

– Королевский дознаватель Анри Пуасон. Вы называете себя доктором Андре?

– Не совсем так, одну минуту. – Я вошел в дом за документами и переглянулся с Марго, она улыбнулась и прикрыла глаза, давая понять, что все нормально. Я вернулся к дознавателю, и передал ему подорожную и письмо из Испании.

– Прекрасно, мсье Андре, что вас привело в эти места –

понятно. А почему здесь остановились?

— На меня было совершено покушение. — я назвал место, где это произошло, и то, что отпели и похоронили Хосе здесь на местном кладбище.

— Я собирался ехать дальше, в сторону границы, в направлении города Бера, чтобы попасть через Сарагосу в Барселону, но был остановлен мадам д'Этьен, которая выразила сомнение в том, что меня пропустят через границу. Человек, который стрелял по мне, был испанцем. Я, хоть и ношу испанское имя, лишь наполовину испанец, я сам из Московии, и мать у меня — русская.

— Да, я тоже хотел сказать, что вы не похожи на испанца.

— Я еще и испанского языка не знаю. Понимать — понимаю, но не говорю. Госпожу д'Этьен заинтересовала моя зажигалка, вот эта. Она сделана в Московии. И я получил предложение наладить выпуск таких зажигалок здесь. Но для этого требуются инструменты и кое-какие материалы. Пройдемте в мастерскую, там будет легче объяснить. — (а заодно избавиться от ушей Розы и Жана.)

— В общем, я сделал вот такую установку, с помощью которой вот, запаиваю швы. Это прибор для получения водорода. Это — водородная горелка, это медь, это флюс, это шов. Вмешался местный капеллан: булькает, дьявольщина. Я ему показал весь процесс, и мы не нашли ничего, чтобы не использовалось другими людьми в других профессиях. Он был очень недоволен, и ушел к себе, он живет где-то за забором, я

у него никогда не был. А с госпожой д'Этьен мы уже договорились и составили договор о создании акционерного общества, с уставным капиталом 24 000 ливров. И сегодня должны были ехать заверять его в Байон. Перед ужином мадам д'Этьен ушла вниз к святому отцу, чтобы уговорить его прекратить оказывать давление на её дело. Вернулась она без него, он питается в доме у госпожи. Сообщила, что он уехал по делам в, не помню, как город называется, что-то на «Т», Тулуза. Через некоторое время мне показалось, что хлопнула калитка там внизу, оттуда ветер дул, и мы с госпожой, хозяйкой дома, спустились вниз, посмотреть, кто открыл калитку. Ключи от нее были у капеллана. После этого мы поднялись к дому управляющего и слышали через раскрытое окно низкие мерзости и обо мне, и о хозяйке. Когда мадам постучала в дверь и ее пустили, то из окна выскочил человек, которого я сбил с ног, и это оказался капеллан! Я попросил его при всех повторить то, что мы слышали, он отказался, я выяснил, что до пострига он был дворянином, но он оскорбил меня и свою госпожу. Получив оружие, он бросился в атаку, я отбил его выпад и нанес один укол, к сожалению, в шею и позвоночник. Его хотели обмыть и оставить в капелле, но во внутреннем кармане сутаны обнаружили письмо, которое госпожа д'Этьен сегодня утром отвезла в город.

— Да, все так. Один вопрос: каковы у вас отношения с госпожой д'Этьен.

— К сожалению, пока чисто деловые, но, какая женщина!

Рисует, создает новые модели платьев, поет, интересуется наукой и техникой, я – доктор газогидромеханики.

– Вы женаты?

– Нет.

– У меня больше нет вопросов! Прочтите и распишитесь, вот здесь. – сказал он через десяток минут. Писал он грифелем. Я расписался.

– А с горелкой у Вас очень интересно получается. Я думаю, что финансовый успех вашей компании гарантирован.

– Я надеюсь.

Мы поднялись к дому, вышла Маргарита и девочка, там же стоял Жан.

– Я, королевский дознаватель Анри Пуасон, провел расследование причин состоявшейся дуэли между господином Гонсалесом и капелланом Эмилем, состоявшейся вчера, 25 июня 1611 года. Правомерность вызова на дуэль капеллана Эмиля установлена достоверно. Свидетели и секунданты подтвердили, что смерть наступила от единственного удара, в момент, когда дуэлянт находился с оружием в руках и на ногах. Тем не менее, в результате дуэли произошло неосторожное убийство капеллана нашей церкви Христовой. Это деяние влечет за собой шесть месяцев покаяния и 50 ливров штрафа.

Я приподнял руку, типа, «А можно литрами заплатить?».

– Что у вас, господин Гонсалес.

– Здесь нет ни одной церкви Московского патриархата.

– Штраф оплатить до истечения 4-х суток с этого момента. Кайтесь, где хотите. – Хороший приговор! А во второй карете приехал передвижной магазин платья, которым заведовал... как вы думаете уроженец какого края? «Правильно, Сигизмунд, это – Евтушенко!» Закончить баню мне не дали, вместо этого были сплошные примерки. Подобрать на меня готовое платье не удавалось никогда, но, тем не менее, за ужином я был уже в более-менее удобной и приличной одежде. Что-то вроде ванной в доме все же было, так что таинство проходило в нормальной обстановке, но поспать удалось от силы пару часов. Ритуля, пока не вырубилась от усталости, от себя не отпускала. На следующий день торжественно была открыта баня, и вот тут я отыгрался за все эти дни издевательства над личностью «гостя из будущего». Теперь никто уже ничего нам сделать не может! Утром, в присутствии нотариуса, мы втроем подписали договор и скрепили его сургучной печатью. Общество «Рога и копыта» начало свое восхождение на вершину счастья.

Глава 6. Восхождение на Олимп

Убрав из имения капеллана, и переключив Марго с одной религии на другую, решил и еще один вопрос: с получением хлора. Но вместо 5-ти дней, по моим расчетам, я затратил 15 суток на то, чтобы получить несколько сот граммов губчатой платины. Из них одиннадцать дней я искал нашатырь.

Первая партия была получена почти мгновенно, собрал платиновую пыль, она отлично и при малой температуре реагирует с хлором, а небольшой кусок нашатыря купил у местного ювелира. Сорок минут, и все получилось. Восемь трубочек разного диаметра для подбора длины и диаметров каталитических насадок. Выбрали четыре из них, наиболее стабильно работающих, и запустили изготовление четырех зажигалок сразу, с участием того самого ювелира, для отделки, гравиров по стеклу, и использовали готового китайского дракона на постаменте, через одну из лап которого была проведена трубка ему в рот и ноздри. Красиво получилось, Маргошенька старалась, как могла. Самая маленькая из всех была стеклянная вазочка, величиной чуть больше «яиц Фаберже» с золотым спусковым крючком. Остальные были высотой около 300 мм и диаметром 120. На этом пришлось несколько затормозить, так как нашатырь закончился, и ожидать его прибытия морем нужно было долго. Удалось договориться с Марго и отправиться в «небольшое путешествие»,

как бы я сказал в XXI веке, в крепость и порт Ла-Рошель, чтобы встретиться с теми людьми, которые бы смогли: либо предоставить нам патент, распространяющийся на «гугенотские территории», либо добиться встречи с представителями «парижан». Вышли мы туда морем, основная сложность состояла в том, чтобы довести в целости как кислоту, так и достаточно хрупкие стеклянные и фарфоровые изделия, в том числе, в золотом оформлении. Я их все полностью промыл от кислоты, заправлять их будем после выгрузки. Через двое суток мы с Марго выгрузились в Ла-Рошели. Но, теперича не то что давеча, заливка жидкостей промерена для каждой и предварительно расфасована. Есть возможность удалить воздух, сразу заливать нормальную кислоту и убирать имеющийся кислород. Еще точнее, перед заправкой продуваем все азотом. Просто и со вкусом. Нет кислорода – нет гремучего газа. Две больших заправил сам я, две – Марго. Ей всё это всё больше нравится, хотя хмурится, когда подсчитывает расходы. Я тоже хмурюсь, в течение этих дней проверим её способности PR-менеджера, получилось или не получилось угадать настроение общества. Через час стало известно, что сын друга отца, переехавший из Парижа в Ла-Рошель, здесь уже две недели не появляется, а находится у себя в замке в Мушане, и нам туда двое суток ехать. Ладно, поехали! Места здесь красивейшие, да и кареты предоставляются вполне ничего, не «Мерседесы», конечно, качает в них жутко, рессоры у них есть, а амортизаторов еще не придумали.

Кстати, а чем не идея? Моя вторая половина что-то последнее время с трудом стала переносить подобные испытания. Я догадываюсь почему, но она молчит, и я тоже делаю вид, что не врубился. Ну, бывает! С небольшими приключениями добрались до места. Замок не кисло укреплен, хотя кое-что я бы поправил. Но не будем смущать владельцев. Передали через стражников письмо, а сами забрались на кровати в ближайшей таверне. Отдыхаем.

– Ритуля, ты как? Может быть, сходим поужинаем?

– Как ты можешь есть, после такой качки?

– Нормально, ну да, покачивает. Требуется что-нибудь, что будет гасить эти колебания. А к кому мы идем?

– Письмо к герцогу Рогану, он сейчас командующий гарнизоном Ла-Рошели, но кто нас примет – я не знаю. В коммандатуре только сказали, что он выехал на отдых сюда. Где он реально находится – никто не знает.

– Так деловые встречи не готовятся, дорогая. Я схожу принесу тебе что-нибудь кисленькое и сухое. Ты не возражаешь?

– Мне бы хотелось больше встретиться с его матерью. Я ее немного знаю, они приезжали к нам лет 15 назад, еще был жив отец. Сына я почти не знаю. Но другого пути что-нибудь решить в Ла-Рошели просто нет. Раньше он служил в Лувре, еще при Генрихе IV. Только не говори им, что я теперь православная. Хорошо?

– Это не мое дело.

Я принес вино и записку из замка, нас ждут завтра к обе-

ду. Приятное известие! Хорошо, коли так! Бедная Марго уже уснула, замучила ее эта таратайка. Проснулась через пару часов и заявила, что голодна как зверь. Точно беременна! Быстренько это у нее получилось! Удивительное дело, раньше бы это меня повергло бы в шок, а сейчас я чему-то радуюсь. Поглупел, наверное. Мы поужинали и вернулись в комнату. Скукотища! Терпеть не могу ждать и догонять.

В замке приняли хорошо, но, как бедных родственников. Посадили где-то с краешку, мы их, конечно, не объедем, пусть не волнуются, но это – слишком. Ладно, обед есть обед. Первый аперитив, второй, суп из трюфелей. Козырный ход! С туза! Ну и ладно, все равно перекур сейчас объявите! А я достал «за яйца Фаберже». И «Лос-Корридос». Честно говоря, «Ла корону» могут курить, некоторые люди, если сильно не затягиваются. «Carerros» и им подобные, скорее всего те люди, которые их курят с детства, а «коррида» на Кубе считались «женскими» сигарами. Почему – не знаю, глаза на лоб и из-за них вылезают! Но это не толстые сигары, а сигариллы. Красивые, тоненькие, с мундштуком. Шесть-десять штук в упаковке. Запах – великолепный. Я поставил «яичко» на стол, раскрыл пачку сигар, и, пока все звали слуг с огнем, щелкнул зажигалкой и сизый вкусный дымок поплыл над присутствующими. PR-акция, ничего более! Марго мне немного подыграла, помахав рукой, чтобы развеять густой и пахучий дым сигариллы. Но все устали не на меня, а на

«яичко». Несколько минут объяснений, и незадолго до конца обеда к Марго подошла девушка и пригласила нас пройти в кабинет Катрин де Роган, той самой «бабушки», встречи с которой добивалась Марго. А тетка, действительно, необычная! Теорему Виета помните? Нет? Ну вы и «лохи»! С её помощью решаются уравнения второй и третьей степени! Она – ученица того самого Виета! Умнейшая тетка! Мы с ней разобрали мои записи с химическими формулами, для производства трех кислот. Врубилась сразу и абсолютно.

– Я не курю, но это я покупаю! – показала она на «фаберже». – Насколько я понимаю, это парадная версия «зажигалки»? Сколько стоит обычная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.